

Елена Маврина

МОЗГОСТЬ

18+

Елена Маврина

Могрость

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Маврина Е.

Могрость / Е. Маврина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Аня возвращается в глухомань родного поселка ради младшего брата. Несколько дней в краях детства – с ненавистными воспоминаниями и людьми, которых желает забыть. Но прошлое запускает ядовитые когти, стоит только вскрыть за многочисленными трагедиями кровавый след монстра. Все пути отступления ведут в могильную западную могрости... В оформлении обложки в редакторе изображений использована фотография Елены Мавриной.

Содержание

Глава 1. Разлом	5
Глава 2. Топь	14
Глава 3. Яд	21
Глава 4. Маскарад	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Разлом

Автобус со скрипом затормозил в глуши лесополос. Аня, сидевшая спиной к водителю, вздрогнула, беспокойно осознав, что задремала. Сонный взгляд утонул в тумане за окнами. Дверь с шипением открылась. Смог сырости пропитывал нелюдимую округу, и дурное предчувствие напозало с ним. Посреди пустой дороги стоял человек. Объехать бы его не получилось: всюду трясинной чернела грязь. Сонливость схлынула, когда Аня поняла, что в руке незнакомец держит ружье. Она прищурилась, всматриваясь сквозь туман. Камуфляжная куртка тяготела к догадке об охоте. Лет пятьдесят, с неряшливой шапкой полуседых волос. Диковатый и крупный, как вол. На серых штанах и высоких сапогах темнели бурые пятна глины. Он повернулся затылком к автобусу – туда, где в плену непогоды исчез мост.

Две старушки зашелестели пакетами, поднялись с мест, напористо вопрошая: «А чё? Чё эт там-то?» Шофер выругался вполголоса и спрыгнул на разбитый асфальт. Никто не рискнул покидать автобус, ожидая пока он приблизится к человеку с ружьем. Но вот шофер остановился, спокойно обменялся фразами с незнакомцем, который в ответ махнул рукой на зеленый узик под деревом – агрессивного вида внедорожник с «люстрой» на крыше. Трое пассажиров за спиной Ани зашептались о преградившем путь неприязненно: «Лесничий наш, будь неладен». Лесничий повел шофера в туман. Пассажиры суетливо покинули салон, и, чтобы унять волнение, Аня переступила свой чемодан, отправляясь в промозглую сырость декабря.

Огибая дыры в асфальте, но все равно попутно пачкая новые замшевые сапоги, Аня приблизилась к улыбчивой мадам в шубе-колоколе из нутрии. Серый мех влажно лоснился, на лице выделялась только розовая помада, но внимание вне конкуренции притягивали красные берцы. Чвак-чвак – переминалась с ноги на ногу их тучная обладательница.

– Извините, что там произошло? – спросила Аня, напряженно всматриваясь в вездесущую хмарь.

Впереди угадывались обломки свай и кричащая дыра вместо дороги.

– Мост рухнул.

Аня растерянно замерла, хлопнула ресницами.

– Обвалился! – громче пояснила мадам, убирая со лба медные пряди и плотнее прижимая к пышной груди коробку с изображением электрочайника.

Аня кивнула, не веря до конца, что незыблемый, как горы, мост обрушился аккурат в ее приезд.

Взгляд вновь упал на разбитый асфальт. Пухлый рюкзак за плечами тянул присесть. Аня беспомощно издала вздох. Провались оно все! В поезде она спала отрывками, не ела сутки. Коченела на остановке три часа. И вот теперь полуденный плюс температуры превращал мутные лужи в туман, а хрустящий наст – в уничтожающее дорогой замш месиво.

Мадам в берцах что-то возмущенно сообщила, но Аня чихнула два раза, расслышав только бессвязные ругательства в адрес небесных сил и грузовиков.

Шофер с лесничим натаскали из лесополосы палых веток, соорудив кустарное преграждение транспорту. Их осаждали вопросами старушки, и незнакомец уехал, оставляя любопытных пассажиров в пустынной, грубо разрушенной местности. Вслед ему камнями посыпались комментарии. Водитель пробасил в телефон ядреные ругательства и, осмотревшись у разлома, зашагал неспешно к автобусу.

– В Ямск теперь? – спросила одна из старушек.

Их цветастые платки и осевшие от сырости шубки сливались в нечто плюшево-игрушечное.

– До вокзала?

– Да. – Шофер махнул на обвал. – Пусть разбираются. Рейсов сегодня не будет.

Под возмущенные женские голоса Аня направилась к автобусу. Она тряслась час впус-
тую! Старушки без особой надежды просили везти их в Сажной.

– В объезд? – хрипел шофер. – Не-а. Сами, пешочком.

За ним следом, чвакая красными берцами, пела уговорами мадам: «Подкинь хотя бы
до развилки. А, родной? – заразительно улыбалась. – До развилки на пригород». Но в ответ
частоколом росли жалобы: «Ногу не вытащишь. Кто толкать будет? Снегопад передают».

Остановившись у грязной двери пазика, Аня взглянула на пасмурное небо. Серость. Сля-
коть. Определить время суток без часов затруднительно. Тянулась та самая ненавистная ей
погода, когда мизерное тепло дня к вечеру сменялось промозглым ветром и крепким моро-
зом, – и так по кругу вторую неделю. Иногда колкой стружкой валил снег.

Мадам в берцах вдруг радостно вскрикнула. Автобус заворчал мотором. Войти в салон
Ане помешали оживившиеся старушки. Сделав несколько шагов в сторону, Аня различила
причину суматохи – приближающийся свет фар.

Из хмари, словно швартующийся ледокол, выплыл черный внедорожник с заляпанным
в пути бампером. Противотуманные фары погасли. Мадам в берцах энергично двинулась ему
наперез, старушки засеменяли свитой.

Шофер недовольно удивился:

– Чего там еще? Едут?

Аня пожалала плечами, выглядывая на дорогу.

Внедорожник остановился. Дверца со стороны водителя распахнулась, и Аня узнала за
рулем Сычева.

– Костенька! – радостно кричала мадам. – Сына, я ж тебе с утра звоню!

Голос ее утонул в мужском воротнике, но Костя ничуть не обрадовался объятиям.
Старше Ани на два года, Костя Сычев выглядел гораздо старше двадцатидвухлетнего. Угрю-
мый, всё такой же худощавый и бледный. Нелюдимый Сыч. Редкие русые волосы словно при-
липли к черепу, заостряя тонкий нос и широкие скулы. Костя мало изменился в поведении:
медлительность, взгляд из-под лба. Только прежняя неряшливость в одежде уступила место
строгим линиям. Двубортное пальто, брюки. Он вышел из автомобиля, всматриваясь апатично
в горизонт. Крупные, бледно-зеленые, какие-то круглые по-кошачьи глаза настороженно изу-
чали глухую округу. Затем его взгляд сместился в сторону пазика и замер на растерянной Ане.

«Вот так встреча, – подумала она сокрушенно. – Хуже только – если из авто вылезет
Лора». Но внедорожник оказался пуст. Старушки счастливо забирались внутрь салона. Мадам,
уронив коробку, смачно целовала в щеки Костю, приговаривая: «Как я соскучилась, сына! Ты
б позвонил». А Костя стоял жердью, молчаливо снося бурные нежности.

– Девочка! Садись! – поманила она рукой Аню. – Садись скорее. Тебе ведь в Сажной?

Аня кивнула, сконфуженно припоминая, что «девочкой» ее последний раз называли три
года назад, в этих же краях. Наверное, таким словам положено обитать в окрестностях детства.
Избегая смотреть на Костю, Аня ответила:

– Я сейчас, только чемодан заберу.

Она забралась в салон, пропитанный табачным дымом до першения в горле. Водитель
хрипло рассуждал о напастях и Сажном:

– Как поделано. Всё к одному! – шурился он в непреодолимую пустоту дороги. Дыра не
давала ему покоя, будто бельмо. – Проклятие! – стукнул рукой по рулю. – Вот напасть. Что там
они, а? – задумчиво оглянулся и вновь сощурил глаза: – Еще один? Ага, – понуро хохотнул, –
крути назад, приятель.

– Нас подвезут, – Аня раскашлялась в ладонь, с трудом поднимая багаж, волоча его к
выходу.

У ступеней внизу стоял Костя. Без тени улыбки он вежливо протянул руку.

– Давай помогу.

Аня хотела возразить, но неуклюже стащив чемодан по ступеням, сама попросила:

– Пожалуйста. Если не трудно.

Костя ловко подхватил ее кладь; первоначально скорый шаг замедлился спустя несколько секунд: ноша оказалась тяжелой.

– Руднева, ты весь шкаф привезла? – он пытался нести узорчатый чемодан аккуратно, но грязь брызгала в стороны от каждого шага.

– Давай на колесиках – сейчас ручку вытащу, – робко предлагала Аня, следуя по пятам.

Он упрямылся:

– Нет. Сейчас мы ее... в багажник, – выдохнул, закинув тяжелую ношу в темное нутро внедорожника. – Залазь. Уже поедем.

Ане досталось место у окна, рядом со старушками. Они охали, причитали, хвастались покупками и непрерывно шелестели пакетами. Велось активное обсуждение причин обвала моста: осадки, ошибки строителей, фуры и игнорирование ремонта. Но вскоре все единодушно сошлись на версии, что виноват владелец карьера. Грузовики со стройматериалами разбили асфальт и повредили мост.

Спустя полчаса внедорожник достиг развилки. Поворот на Сажной выглядел неприметным из-за густо разросшихся деревьев. Аня невольно ужаснулась вслух:

– Еще три года назад здесь свободно разминались комбайны.

Старушки восприняли вопрос как сигнал к расспросам:

– Жила здесь?

– Чья будешь?

И тут – либо чья-то внучка, либо невестка. Аня натянуто отвечала всегда, когда расспрашивали о биографии и родстве. От откровений ее корбило. Но за три года многое изменилось. Большой город, университет, новые знакомства, новые планы. Мечты. Перспективы. Она стала увереннее в себе, циничнее в чем-то и рискованнее, но больше не рыдающей по пустякам. Вряд ли такой ее запомнил Костя, все остальные сверстники, – и те люди, которых она когда-то называла друзьями. В какой-то момент Аня поймала себя на мысли, что ей приятно отвечать на раздражающие некогда вопросы:

– Внучка Александры Петровны. Рудневой.

– Шурки?

– Шурки Рудневой?

Скорбные лица, скрещенные взгляды.

– Ты дочка Нины. Не Тольки?

– Да, Нины. Я сейчас с ней живу. В Воронеже.

– Забрала-таки. – Охающие бормотания. – Спустя столько лет.

Сочувствующие вздохи Аню не обижали. Пусть что угодно думают, говорят. Ерунда. Здесь ей гостить неделю.

– Молодчина. Шуре тяжело пришлось.

– А Макар помогает? Макар Бойко?

– На него похожа. Глаза...

– Нет, – отрезала Аня, и старушки многозначительно переглянулись.

Она отвела рассерженный взгляд. Как же! Отца Аня не видела даже на фотографии. Вроде бы дежурные фразы, а пошатнули хлипкое настроение последних дней.

– Я похожа на бабушку Сашу. Так говорят. Внешностью, – твердо уточнила.

– А он был на похоронах Дины. Видели его.

– Похожа.

Повисла гробовая тишина.

Старушки что-то невнятно забубнили о соседях и курах. Костя с мамой слушали разговор молча, но паузы, зависающие периодически вопросительными крючками, окружали тра-

уром каждого, находящегося в салоне. А потом и голоса старушек стихли, только шум езды преследовал мысли.

– Почему сократили рейсы? – поинтересовалась Аня, запрятав обиду в хлам памяти. – Через завод теперь не ездят?

– После пожара дорогу закрыли, – объяснил Костя. – Сначала урезали график: десять, потом пять, а последний месяц – всего три рейса оставили.

Аня кивнула понимающе, хотя с трудом вникала в суть произошедших изменений. Сажной являлся пригородом Ямска, крупным поселком в десяти километрах от автовокзала. Обесчелочить за три года его невозможно – здесь тысяч десять населения.

Аня достала из кармана пуховика телефон. Значок связи прыгал в углу экрана, но не исчезал. Ответов от брата на эсэмэски – ноль. Гремучее чувство злости прокралось в душу. Батарея почти села, и Аня с досадой включила «режим полета». Ничего. Сейчас отступить не время. Она обещала маме и себе: вникнуть в проблемы, протянуть руку помощи. «Помощи, которую принимать не желают», – ехидно зашушукались мысли. Аня втянула пропитанный горьким освежителем воздух, закашлялась. Вспомнилась степь за лесом: жгучая полынь, душистый чабрец и камфорный запах пижмы. Горло болело, нос каменел насморком. Простудилась.

Пейзаж за окном усыплял безнадежностью запустения. Поля, лесополосы. Ухабы. Неровная колея дороги бросала автомобиль из стороны в сторону. «Я не зря вернулась», – настойчиво повторила себе Аня, прикрывая веки и отгораживаясь от пронзающих взглядов водителя.

Сажной встретил непривычной безлюдностью. От некогда мощной шахты остался один террикон. Столбы покосились бессильно. Многие дома на центральной улице смолкли с заколоченными окнами, дощатые заборы разбито осунулись. Двухэтажное здание универсама напоминало призрака с разбитыми глазами-стеклами, пустующими этажами. На крыше поликлиники теперь краснела вывеска «КОРМА».

Аню высадили у парка, на остановке в центре поселка. Ни души – куда ни глянь через перекресток. Вороны кружили над садами, обзывались лаем собаки. Аня устало покатила чемодан по островкам тротуара домой.

Дом. Улица, параллельная центральной, тишиной напоминала окраину. Бетонный забор зеленел пятнами облезлой побелки, двери гаража шелушились ржавчиной. Аня толкнула скрипучую металлическую калитку, осматривая белые кирпичи стен. Дом, где прошло ее детство. Покидая его три года назад, она считала, что ненависти не схлынуть. Но сейчас от неприязни остались бессвязные отголоски. Грусть. Она даже улыбнулась воспоминаниям. Насколько же легко возвращаться без балласта давящих сомнений, страхов и обид.

Двор встречал непривычной пустотой: ни клумб, ни сада. Только виноградная лоза вилась изгородью вдоль каменной дорожки, упирающейся в дверь летней кухни. За сараем торчали паучьими лапами молодые ветви ореха.

Будка Тая-Бродяги пустовала. Их Бродяге должно быть уже лет шестнадцать. Окна веранды встречали гостью кривыми зеркалами – хрупкий силуэт в красной куртке неловко пересекал овал двора. Аня приблизилась к порогу. Испугавшись ее, от пластиковых контейнеров юркнули коты. Дверь дома неприступно возвышалась на трех высоких ступенях. Ни звука внутри. Может, они забыли о приезде?

Ей мечталось, что когда она придет в Сажной, то непременно будет гореть солнце, восхищенные взгляды провожать каждый шаг, а брат Витька встречать со счастливой улыбкой. Но вот Витька открыл входную дверь. Хмурый, долговязый подросток в вытянутом свитере и спортивных штанах. Повзрослевший. Совсем чужой.

– Помочь? – спросил он, вскользь оглянув сестру взглядом. Кивнул на чемодан у ее ног.

– Привет, – только и сказала в смятении Аня, пялясь на лилово-серый синяк под его левым глазом.

– Привет, – обывательски вторил он ей. Брат вынужденно растянул губы в подобии улыбки, избегая встречаться взглядом. – Я занесу. Ого! Черт, чем ты его нагрозила? – комментировал с придыханием, поднимая ее багаж с подарками и одеждой.

Аня осмотрелась:

– Сад исчез.

– Угу. Иногда бабушка перегибает с порядком, а отец молча пилит. Ты еще огород не видела. Яблонь больше нет.

– Где Тай?

Брат отвернулся, а затем потупил взгляд.

– Умер. – Он невольно покосился на разбросанные котами контейнеры, стесненно вздохнул. – Опухоль на животе. Не выдержал наркоз.

Тишь пустого двора обступила сыростью. Аня кивнула, сникая, переосмысливая все, что слышала от брата о Тае – палевом дворняге-приблудыше, которого они с боем вылечили от пироплазмоза¹. Вкусности для Бродяги куплены запоздало. Витя даже не обмолвился, что пес болел.

Входная дверь зияла обезличенным приглашением. По веранде проплыла сутулая фигура брата. Аня оглянулась на глухую стену соседнего дома, на летнюю кухню под кривым орехом, на покосившийся сарайчик для кролей. Всё показалось ей ветхим, полузабытым. Стиснув зубы, она отдернула взгляд от пустой будки и настырно вошла в дом.

В ее отсутствие обстановка мало изменилась. Три года пролетело, а она словно вышла из дома вчера. Старые обои в любимых бабушкой васильках, коричневые панели мебели. Двухрядный гарнитур, зеленеющий летом. Коврики в полоску, плед на угловом диване, карлики-табуретки в вышитых подушках и кружевные шторы на высоких окнах. В зале громко работал телевизор. Витя поставил чемодан у дивана, и Аня замерла одна на кухне, не решаясь идти дальше. Из крана над раковиной капала вода. На столе белела тарелка с недоеденным бутербродом.

И всё же изменения угадывались. Из комнаты напрочь стерли присутствие тети Дины. Сняли ее картину с летним лесом. Убрали плетеное кресло из угла, глиняный сервиз – с открытой полки гарнитура. Исключили напоминания. Но Ане мерещился ее голос, ее шаги по скрипучим половицам и запах ромашкового шампуня. Она прижалась спиной к стене, потерянно вглядываясь в зал.

Телевизор смолк. Послышались громкие объяснения.

– Кто? – удивлялась бабушка. – Кто, говоришь?

– Аня. Аня приехала.

– Аня?

– Она уже на кухне.

– Что ты! – приближался голос бабушки. – Да ты что! Ты что? Анечка.

Навстречу Ане спешила низенькая старушка в красно-черном платке и великоватом пестром халате. Худые ноги в объемных чунях ступали нетвердо, рука упиралась в стену. За три года бабушка постарела сильнее, чем ожидала Аня, и гостя оцепенела от щемящей действительности: она слишком отгородилась от всего, что здесь происходило после смерти тети.

– Анечка! – бабушка на ходу поправляла платок. – Сколько лет!

Протянула руки, всматриваясь в лицо внучки, обхватывая ее плечи.

– Я ведь предупреждала, ба. – Аня уступила объятиям. – Я предупреждала вчера утром, по телефону.

Своим ростом в метр шестьдесят два в семье Аня была выше только бабушки. Близкие всегда твердили, что она – копия бабушки Саши. Но в свете недавнего замечания, Аня вдруг

¹ Пироплазмоз (бабезиоз) – заболевание собак, переносчиком которого являются иксодовые клещи.

горько признала: Витя унаследовал семейные черты Рудневых. Высокий – в дедушку Ваню, с прямым носом и узкими губами, волевым подбородком отца, – его крупные глаза серели копиями бабушкиных. Аня же с детства отличалась смуглой кожей. Кареглазая, курносая, – бабушка порой кривилась при споре: «Молдавская кровь!» – намекая на отца, бросившего ее дочь накануне родов.

Неловкие объятия ослабли. Бабушка промокнула краем платка глаза.

– Ты всегда только говоришь, – пожурила. – А Нина? Нина ведь обещала приехать, – заглядывала за спину внучки с наивной надеждой.

– Нет. Это я звонила и обещала приехать. Одна. У мамы работа.

– А-а, – бабушка кивнула с вынужденным пониманием. – А учеба? Как твоя учеба?

– У меня практика, – скрывала за улыбкой ложь. – Всё в порядке. Не переживай.

Бабушка мнительно всматривалась в ее раскрасневшееся лицо. Она чувствовала недоказанность. «Вреда от обмана – самая малость, – успокаивала совесть Аня. – До практики еще полгода. Мама оформит больничный у терапевта, с которым ведет прием». Аня чихнула, извиняясь за слабость здоровья. «А вот и вред», – мысленно упрекнула себя.

– Никаких проблем, – настоятельно заверила Аня, снимая рюкзак с плеч. – Я всего лишь погошу до субботы.

Бабушка закивала равнодушно, словно ее мнение в расчет не бралось. Улыбнулась доверчиво, уменьшая на миг восемьдесят два до семидесяти.

– Как знаешь, Анечка. Мы всегда вам рады. – Она засеменила к холодильнику, приговаривая под нос: – Там я суп вчера варила. С клецками. Ты любила. Любила лепить. Даже фар-тучек где-то здесь в шкафу. – Она прижала худые пальцы к виску. Может, и мама приедет. Нужно еще наварить.

– Я руки вымою.

Аня вернулась на веранду, повесила пуховик на вешалку рядом с паркой Вити и курткой бабушки, чихнула в рукав и с ругательствами на сырость открыла дверь в санузел. Вода из крана меняла напор ежесекундно. Возле унитаза стояло ведро с водой, но смыв заработал без проблем. Аня умылась раз пять, словно воде было под силу смыть негатив, накопившийся за нервные часы дороги.

По возвращении ее ожидал горячий суп. На газовой плите шумел, закипая, чайник.

Бабушка в ярком фартуке заправски нарезала хлеб треугольными ломтиками.

– Витя, иди кушать! – позвала, мельком наблюдая как Аня усаживается за стол у окна. – Иди! Поешь горячего. – Она открыла навесной шкафчик, достала миску.

На кухне появился Витя в коричневом свитере и затертых джинсах.

– Ты куда собрался? – спросила бабушка, хмуря седые дуги бровей.

Аня отложила ложку, смотря в упор на брата, который шарил рукой по верху холодильника.

– Шапку не видела? – спросил он в ответ.

– Нет. А куда это ты собрался? – уже тревожно повторила вопрос бабушка. – Тут Аня. Вить, третий час, поди. А обедать?

Витя сосредоточенно посмотрел за Аню, приблизился и извлек из-под газеты на спинке кухонного дивана вязаную шапку.

– Витя! – повысила голос бабушка.

– Я к Грише. Ты забыла? – огрызнулся внук. – Вика пропала.

Он с долей извинения покосился на сестру.

– И что? Что? – с большим волнением наступала бабушка. – Вить, – заглядывала ему в глаза, – вы что, искать ее вздумали?!

– Мы ходим в одно место.

– С Гришкой? Куда это? Какое-такое место?

– Тут недалеко. За левадой.

– За кладбищем? Куда? Там лес.

– Мы с одноклассниками. – Он кивнул, прощаясь, и вышел, натягивая на ходу шапку. – Нас много будет, – донеслось приглушенно с веранды.

Бабушка беззвучно зашевелила губами. Руки поднялись, опустились. Растерянность уступила место смирению. Она села, сжимая в руках пустую миску, окруженная пугающими раздумьями. Крышка на чайнике звенела бурлящим паром. Аня выключила газ и, тщательно поискав в скрипучем шкафчике над раковиной, извлекла полупустую коробку листового чая; молча заварила себе крепкий напиток, взяла два ломтика хлеба.

Уже за столом, доедая теплый суп, она нарушила затяжную паузу:

– Что там стряслось? – спросила скорее из уважения, чем интереса.

– Вика пропала, – выговорила, словно окончательно осознав, бабушка. – Два дня нет. Сегодня отец воротился с охоты. Все думали, она с ним.

– А Вика – это?..

– Одноклассница Вити. Дочь Зины: мама дружила с ней в школе. Зины Алиевой. Не разлей вода бегали.

– Кто?

– Твоя мама и Зина. Баб Валя покойная, царство небесное, она в Вике души не чаяла.

Аня молча жевала суп, слабо представляя себе бабу Валю, Зину и Вику. Когда она уезжала, Витя бы вывел весь класс в тайгу и оставил на волю случая. Выходит, конфликт разрешился.

Бабушка стянула платок с седой проволоки волос, утираясь им под причитание:

– Ужас какой! Весь год – то утопленники, то висельники. Господи. Заблудилась, поди.

– Не расстраивайся, прошу, – Аня с трудом глотнула черствый хлеб. Плач окончательно испортил ей аппетит и усилил мигрень. – Ничего непоправимого не стряслось. Отыщется.

Бабушка закивала, но как-то огорченно.

– Они будут ее в лесу искать? – уточнила Аня, всматриваясь сквозь стекло в серую вату неба. Мелкий снег десантировал в сумерках. – Разве можно в нем заблудиться?

Слепой лес за поселком Аня всегда воспринимала чем-то сродни парку. Она облазила в нем пригорки вдоль и поперек, изучила все тропы. Они с друзьями убили не один день на поиски диких зверей (и возможно даже волков!), но никого, кроме пугливых птиц, ни разу не подкараулили. Холмистые дебри с трех сторон выводили в степь. И пустынная степь в детстве пугала ее гораздо сильнее густых зарослей леса.

– Совсем неуправляемым стал, – вздохнула устало бабушка. – После случившегося.

– Да, мы понимаем. Нам всем тяжело. Я приехала как раз по этому поводу.

– Из-за Витьки?

– Мы с мамой хотим уговорить его переехать, – Аня воспринимала свой степенный тон смутно, со стороны. – Ему ведь поступать. Выпускной класс.

– Вы хотите его забрать? – испугалась бабушка.

– Ба-а, – сглаживала Аня покладисто. – Что значит забрать? Ему нужно получать высшее.

Ты сама просила.

– Вите не хватает отца, – отстраненно рассуждала бабушка. – Дом без хозяина.

Аня потеряла переносицу. В висках стучала кровь, усталость отупляла.

– Бабушка, я с ним еще даже не поговорила толком. Кто ему глаз подбил?

– Ой, не знаю. Молчит. Уже сил нет с его молчанкой.

– С кем он дружит?

– С Гришкой. С Лесохиным Гришкой, ага. И с Викой этой... Ох, вы столько не виделись, – безутешно закачалась бабушка. – После похорон матери он тихим стал. Иной раз слова клещами не вытащишь.

– За пять минут проблему не решить.

Раздражение в голосе внучки озлобило бабушку:

– Это вы чего-то там решили.

– Нет. Я поговорю с ним – все станет ясно. – Аня опустила грязную посуду в раковину. –

Зла никто ему не желает.

Бабушка кивнула назидательно, относясь к затее скептически:

– Да, поговори. Поговори. А что же Нина?

– Бабушка, у нее не получилось приехать. Просто не получилось.

– Я ее просила.

– Она помнит.

– Она старше.

– Я просто узнаю, что он решил с вузом. Каким видит свое будущее.

Но бабушка упрячилась:

– Она обещала приехать.

– У нее не получилось! – Аня сделала глубокий вдох, упираясь ладонями в раковину; объяснила уже тише: – Вы виделись три месяца назад. Ба, она приедет на Рождество. Не переживай. Мы понимаем, что тебе нелегко одной. Вам нелегко.

Бабушка вымученно улыбнулась.

– Я думала, ты не захочешь переступить порог. После тех слов. Анют...

– Ты погорячилась, ба. Все были на эмоциях.

– Он тебя не слушает. Витя никого после матери не слушает.

– Куда он денется? Выслушает.

– И исчезнет на три года? Как ты?

Аня покосилась на свою холодную кружку.

– Бабуль, давай просто выпьем чаю и поболтаем. Да? Мне ведь не бежать через час на поезд. Мы во всем посоветуемся с тобой, хорошо? Но ему необходимо поступить в университет, согласна?

Бабушка кивнула. Вид измученной внучки ее разжалобил.

– Дорога к нам теперь – муки.

– Более чем. Мост рухнул.

Аня включила воду, за тщательным мытьем посуды описала уродство разломившихся свай.

– Ужас. Ужас какой! Присядь, Аннушка. Бросай эти тарелки. Ты ведь устала, – строгий взгляд немного оттаял. – Присядь, я тебя хотя бы разгляжу как следует.

– Мы на прошлой неделе видели друг друга.

– В телефоне? В том крохотном квадратике что рассмотришь-то? Нет. Это другое.

Аня кивнула согласно. Бабушка сжала ее холодные ладони в жилистом замке рук, всматриваясь теперь не во внешность, а в сумеречную глубину души.

– Ну расскажи мне, как вы там живете. Расскажи, утешь. Чуток.

– Все хорошо, бабуль. Зачем утешать? Мы справляемся.

– Ты такой взрослой стала. Ох, красота наша. – Она печально поджала губы, сникая. –

Дина бы порадовалась.

И слёзы мимо воли потекли по щекам. Они впервые разделили горе.

– Непременно, – прошептала Аня, ведь тело стыло скорбью. – Да. Только представь...

Удар в окно прервал тревожный бег сна. Аня проснулась в кресле, немеющим лбом упираясь в шершавую спинку. Шея затекла, ноги оледенели на холодном полу. За тихими стенами разверзлась подземная чернота. Спросонья Аня не сразу поняла где находится. Она отлепила взгляд от белеющих тюлем окон, осмотрелась. Телевизор напротив приглушенно транслировал

концерт. В пустом зале витал бальзамический душок лекарств. Аня обернулась на проход и поморщилась, пошевелив обескровленной рукой. В кухне горел свет.

– Где бабушка? – спросила Аня, ступая по шахматной плитке к чайнику на плите.

Витя сгорбленно сидел за столом, ковыряясь вилкой в слипшихся макаронах.

– Спать легла. У нее давление скачет.

– Что-то случилось? – беспокоилась Аня, потирая глаза. – Как поиски?

Чайник оказался пуст. Кровоснабжение в руке возобновлялось колючей пульсацией, голова раскалывалась от резкого пробуждения. В полудреме комната воспринималась тускло, а непривычная обстановка только усиливала волнение.

– Вить, что случилось? – Аня настойчиво остановилась напротив брата. Лицо его краснело после мороза, веки опухли. – Мы тебе звонили. Сколько пропущенных? Двадцать?

– Извини. – Он сел к ней боком. – Забыл про беззвучный.

– Забыл?!

– Ань, тише. Только без нотаций.

– И не собиралась. – Она достала с полки стакан и плеснула из графина холодной воды. Глоток усугубил боль в горле. – Просто... – Аня прижала ладонь ко рту, но раскашлялась от першения. – Не понимаю, что происходит. Что с тобой происходит сегодня?

Брат склонил голову, незряче уставившись в одну точку среди белых лилий скатерти.

– Вику нашли, – сообщил отстраненно, словно из далекого очага сознания.

Сутулая фигура брата показалась сломанной. Она коснулась его плеча, пытаясь заглянуть в глаза, но он резко отвернулся и уронил лицо в ладони.

– Что? Вить... – В тревоге Аня присела за стол рядом. – Пропавшую девочку? Вить?

– Да, – всхлипывал судорожно. – Ч-час назад... где-то. Под обломками моста.

Глава 2. Топь

В доме Алиевых собралась половина поселка. Поминки напоминали посиделки старых знакомых, надумавших вспомнить прошлое. Гомон голосов отяжеляло перешептывание. Люди приходили, ели, судачили, уходили. Аня наотрез отказалась присутствовать на кладбище, но проигнорировать поминки бабушка не позволила. Жалобы на слабость в ногах возымели эффект, и Аня согласилась сводить ее на окраину поселка – улочку с коттеджами на два хозяина, прежде ассоциировавшуюся у Ани с благополучием за плетущимися розами. После долгих сборов они попали в последний дивизион соболезующих. У хозяев уже не осталось сил принимать толпы чужих людей. За поминальный обед отвечали родственники – две заплаканные женщины в траурных платках: подавали еду, наливали компот, убирали посуду. Родители девочки не спускались со второго этажа, и жители Сажного понуро сновали в прихожей и кухне.

Широкую кухню разделяли столы разной величины, составленные в два параллельных ряда. Аня сидела недалеко от входной двери: жевала ради приличия пересоленный борщ, кивала на скорбные откровения сотрапезников. Белая льняная скатерть краснела свекольными пятнами. В воздухе витал запах спирта и кислого ягодного варенья. Люди вокруг хмелили, сплетничали, спорили. Мрачная атмосфера в доме действовала удушающе. Похороны и траурная обстановка всегда вгоняли Аню в животный ступор. Она избегала поминок любыми путями и способами, отгораживаясь от давящих воспоминаний похорон дедушки и назойливых предположений о том, что происходило в их кухне тогда, два года назад, когда не стало тети. Мама рассказывала, что поминки устроили в кафе Праксиных. Но люди заглядывали в дом, их садили за стол, предлагали обед. Избегать расспросов в Сажном – подобно сокрытию преступления.

Аня съезжилась от разрастающейся тени прошлого. Взгляд осматривал смутно знакомые лица, но с Витей они разминулись. Брат молчал рыбой с самого утра, старательно избегая ее внимания.

– Вот так встреча! – рядом с Аней опустилась девушка с копной мелких рыжих кудряшек. – Тебя не узнать, Руднева.

– Надя? – Аня во все глаза смотрела на худенькую одноклассницу, которую помнила брюнеткой в платье пятидесятого размера. – Надя! – только и повторила Аня, различая за ней еще троих девушек.

С последней встречи одноклассницы мало изменились. Инга Котельникова, Таня Харчук и Лора Ярмач. Бывшие подруги в темных одеждах, с бледными лицами. Здесь и сейчас слова к ним шли слабым светом сквозь чад окружающего горя.

Мимо Ани с коробкой духовых пирожков прошел одноклассник Вова Осьмухин.

– Мух, Рома вернулся? – спросила Надя, но тот лишь отрицательно мотнул головой, передавая женщине у плиты коробку.

Вова, прозванный Мухой за крупные глаза на выкате, раздался в плечах, коротко остриг густые волосы и ростом перегнал Сыча. Он грезил о морском флоте с детства, и Аня всегда считала, что столкнется с ним на черноморском причале, а не в траурной комнате Сажного.

Почти вся компания детства собралась на поминках девочки-подростка. Не хватало только Ромы Ярмача, брата Лоры.

Новоприбывшим принесли тарелки с борщом. Девушки поблагодарили, и сказали, что потом уберут за собой.

– Мой муж – неисправимая черепаха, – поморщилась Надя. – Наверное, к маме заехал за Осей. Олеся – эта наша доченька, – пояснила она Ане. – Три годика. Зря ты не приехала на крестины.

– Она зарекалась вернуться, – язвительно напомнила Инга, передавая подругам хлеб и салфетки. Те безразлично молчали, и она поспешила исправиться: – Замечательно, что принципы меняются.

Наигранность ее улыбки Аню рассердила:

– Не меняются.

Действительно. Аня смотрела на вздернутый подбородок Инги, на осанку фехтовальщицы, но видела задиристую девчонку, орущую ей в гневе: «Никакая она не сиделка! Твоя мать – содержанка в Испании. Ей стыдно сюда вернуться! Стыдно!» Даже разбитый Аней нос не уничтожил надменность, желание всех уличать во лжи и, что удивительно, видимость их дружбы. Большеглазая шатенка Инга восседала всезнающей вороной – олицетворением давней уверенности, что с ее мнением не считаются только завистники и тупицы.

– Это прискорбно. Прискорбно. – Инга взглянула поверх голов на часы в шкафчике орехового гарнитура. – Разве можно замалчивать? Мост должны были признать аварийным. Из поссовета прийти не соизволили, даже на венок поскупались. Дела самотеком.

– Сейчас решают с восстановлением моста, – неприятно сообщила Лора.

Ее отец раньше работал в Администрации Ямска.

– Мама говорит, у нас бюджет – слезы. Ходит на нервах. Будто единственной надо!

– Ей пора на пенсию, – едко заметила Лора. – Пусть развалиться поссовет без бухгалтера. Раздались нервные смешки.

– Я не ошиблась, – вдруг невпопад призналась Надя, цепляясь за случайную встречу как за спасительный круг в воронке сварливых голосов. – Эта блондинка – наша Нюта. Это ведь блонд? – она кивнула на волосы Ани.

Все невольно покосились на голову Ани.

– Светло-русый, – смущенно поправила она.

Аня терпеть не могла краснеть в центре внимания и когда ее называли Нютой. Когда они ее называли «наша Нюта». Она посмотрела на кашемировый рукав своего черного платья, на аккуратный маникюр и золотое колечко на мизинце. От девочки с мышинными волосами, обгрызенными ногтями и в мешковатой одежде остались только воспоминания. Дина бы порадовалась, что ее племянницу больше не путают с мальчишкой. Она подняла взгляд. Девушки смотрели с иронией – именно через те безобразные воспоминания, словно весь ее внешний вид был удачным экспериментом, но притворством, непостоянством.

Рядом с Мухой за стол опустился Сыч. В рубашке и строгих брюках он резко выделялся из вязаного круговорота свитеров. Среди раскрасневшихся людей Костя выглядел самым подавленным, даже кожа казалась серой. Неудивительно – погибшая девочка была его соседкой.

– А я знал, что Нюта приехала, – объявил Муха, мельком поглядывая на Костю. – Сыч ее подвозил.

Аня стрельнула взглядом на Муху. «Сыч... Так Костю называли только в «банде» верзилы Зенкова. Когда добряк Муха так сдружился с этим прихвостнем отморозков?»

– Подвозил? – удивилась Лора, крутя ложку в пальцах.

– От рухнувшего моста, – ответил Сыч и промокнул губы салфеткой. – Я подвез пассажиров автобуса. Мать встречал.

– Рейсы сместились на час. Великолепно! – проворчала Инга.

Надя через силу улыбнулась, сглаживая резкость голосов замечанием:

– Не стоит так воспринимать...

– Треклятые дороги! – чертыхнулась Лора. – Завтра у крестницы выступление. И в салоне запись.

– Лора! – шикнула на нее Инга.

Лора... Лариса Ярмак. Такая же кукольно-хрупкая, эгоистичная, скрытная. Она была платиновой блондинкой от природы, со светлыми, почти невидимыми, бровями над лазоревыми глазами-миндалинами. В серо-синей кофте ее фарфоровая кожа отливала мертвенной голубизной, искажающей ангельскую внешность. Ане вдруг вспомнилась Лора Ларусей, грустной девочкой по соседству: в веснушках, в соломенной шляпе, хнычущей без притворства при расставании. Спустя двенадцать лет от их дружбы остался лишь прогорклый осадок. Аня осмотрелась. Уезжая из Сажного, она надеялась, что больше никогда не сядет ни с кем из них за один стол. Накануне выпускного Лора громче остальных обвиняла её в краже своего новенького планшета, обнаруженного спустя два дня забытым в гараже Сыча.

Сыч накрыл ладонью протянутую руку Лоры. Они, очевидно, до сих пор встречаются. Но обручальное кольцо среди подружек детства пока блестело только на пальчике Нади.

– Борщ похож на щи. – Лора отпила немного компота. – Кость, подай пирожок.

– У Праксиных сегодня аренда. – Муха глянул на Аню: – Единственное кафе.

Лора фыркнула:

– У Праксиных забегаловка. Ба-ар. Там антисанитария и регулярные дебоши.

– Ужас какой-то, – причитала Надя. – Этот мост. Говорят, он рухнул ночью. Боже, как девочка оказалась там? Одна? В тот момент? – Надя отодвинула полупустую тарелку. – Уму непостижимо. Говорят, накануне закатила истерику?

– В магазине. Да, – подтвердила Лора. – Она на Косте помешалась просто. Караулила за каждым углом.

– От неразделенной любви?.. Прыгнула? – ахнула Надя, пряча за ладонью отвисшую челюсть. – Мне Рома рассказывал о паранойе и о нервном срыве. Как может так совпасть?

– Давайте не здесь, – потребовала Инга. – Люди косятся.

– Что я такого сказала?

– Об умерших не злословят.

– Она переживает, – вступился за Надю Муха. – Трагедия, яшень пень. Как Танюха, что-то раскисла совсем, – обратился он к Инге.

Когда Ингу с кем-либо сравнивали, она затихала стервятником.

– Ну ты прозорливый, – тихо, почти с шипением отметила Таня незнакомым Ане, хриплым голосом.

Аня избегала смотреть на Таню, а когда смотрела – чувствовала оторопь. Ее длинные, редкие волосы представляли ржавую градацию трудных времен от пережженных кончиков до сального корня. Густые стрелки превращали узкие, маленькие глаза в подглядывающие бегунки. Руки покрывали засохшие волдыри, обломанные ногти темнели лаком в тон коричнево-красной кофте. Раньше Таня свела бы раздор в шутку, но сейчас молчаливо сидела, поживаясь неуютно от взглядов, словно губка, впитывая негатив.

Муха бросил ей:

– Считаю меня Нострадамусом.

Таня ухмыльнулась, оповещая:

– Нострадамус предложил искать у моста!

– Участковый предложил, – гневно одернул ее Муха. – Я всего лишь допустил возможность...

– Давайте молча доедим! Молча, да? – встряла раздраженная Инга. – Что теперь ворошить тот ужас. Поздно.

– Хорошая отговорка, – шептала под нос Таня. – Поздно.

– Я пойду, – Аня отставила стул и встретилась взглядом с Костей.

Его угрюмый вид напрочь осадил перепалку.

– Бабушка, – обратилась Аня к старушке, ушедшей в разговор со знакомой в годы перестройки. – Ба!

– Чево? – встрепенулась та. – Что такое?

– Идем. Ты поела. Да? Хорошо.

Бабушка поднялась нерешительно.

– Уже уходишь? – преградила путь Надя.

– Мне нужно на воздух, – вежливо уклонялась Аня от наглых взглядов. – Я приболела немного. Простудилась. Кхм, – кашлянула в кулачок.

За спиной твердили о пирожках и карамели.

– Встретимся? – Надя обеспокоенно удержала ее за руку, и Аня от неловкости забыла, что хотела солгать: «Я завтра уезжаю».

Бабушка наконец всучила внучке пирожок и конфеты: «Поминать! Надо так».

Надя ждала ответ.

– Да, хорошо, – согласилась Аня, бегло осматривая склонённые головы ребят.

Женщины в траурных платках апатично взглянули на них, на пустую посуду.

– Я твой телефон запишу?

– Лучше на почту.

Надя неловко поправила серьгу и посмотрела куда-то за Аню.

– Я тебе писала раз или два. И В Контакте. Ты не ответила.

– Я... – взгляд прыгнул по комнате, отбился от терракотовых стен. – Я не знаю, где черкнуть номер.

– На экране, – протянула Надя белый смартфон в кислотно-красном чехле. – Просто набери, а я сохраню.

Несколько нажатий выбили номер черным шифром. Надя улыбнулась:

– Я наберу.

– Конечно, – Ане настолько не терпелось уйти, что она соглашалась по инерции. – Разумеется. Буду рада.

Они обменялись сжатыми любезностями, пока несли грязную посуду к раковине, скуповыразили соболезнования родственницам погибшей. Аня повела бабушку по гололеду домой.

Холмистые кольца улиц обросли тупиками. Когда-то Сажной гудел транспортом. Маршрутки преодолевали девять остановок из одного конца в другой, от карьера – до лесничества за коттеджами. Бабушка шагала качающейся походкой, смотрела на заборы и жаловалась, что решетчатое ограждение за огородом со дня на день рухнет. Они остановились у аптеки возле парка, где Аня купила таблетки от простуды. Горло першило, она шмыгала носом, жалуясь, что опять обострился фарингит.

Небо затягивала серая мгла. К вечеру передавали снег, но в прогнозы верилось слабо. Вчера снегопад рассеялся спустя полчаса ветром. Разве можно в этой жизни быть в чем-то уверенной? День назад ей казалось, что недавний разговор обречён на конфликт. И вот. Она даже согласилась продолжить общение.

Дома Аня окончательно разобрала чемодан. Подарки, сладости, вещи. Она забыла зубную пасту, носки и шарф. В доме топили исправно, но сквозняк скользил по полу змеем. В угловой комнате стоял жуткий холод, а потому теперь там высились в ссылке шкафы, пианино и коробки с хламом. Кровать разобрали. В зале, где Ане постелили на диване, круглосуточно работал телевизор. Бабушку он успокаивал. После смерти невестки она паниковала от одиночества и тишины.

Латунные механические часы – приданное бабушки, роняли часовую стрелку в сумерки. Однотипные новости Сажного подверглись тщательному пересказу, и бабушка сидела в кресле, заводя пятый повтор любимых воспоминаний. Аня знала их наизусть: полет на самолете в Москву, проводы сына в армию, выписка Дины из роддома. Сославшись на голод, Аня решила испечь пирог. Она всегда пекла что-то сладкое, когда хандрела. Пирог и горячий чай – под-

споре в семейных переговорах. На том настаивала Дина, и она тоже надеялась, что угощение задобрит беспросветную тоску в комнатах, а домочадцы хотя бы из благодарности улыбнутся.

Витя вернулся в десять, когда бабушка уже беспробудно храпела.

– Она тебя ждала, – пристыдила Аня.

Вымыв посуду, она просидела за столом в ожидании полчаса. Мышцы ныли, клонило в сон, а яблочный пирог давно остыл в духовке.

– Мне не пять лет.

– Хорошо, что ты помнишь.

– А ты, видимо, нет.

Он достал из холодильника кастрюлю.

– Там перловка горячая, – Аня махнула рукой в сторону плиты. – И котлеты.

– Спасибо. Я борщ доем.

Витя включил газ, достал из ящика половник. Минуты две на кухне раздавался только звон посуды.

Брат сел напротив нее, сосредотачиваясь исключительно на еде. Устрой она хоть шведский стол, Витя бы демонстративно воротил нос. Бабушке бы польстила такая верность ее рецептам. В кухне она заведовала единолично и беспрекословно: только Аня зашелестела в шкафчике специями – незамедлительно явилась контролировать каждый взмах ложкой.

Аня подперла рукой подбородок, изучая непроницаемое лицо напротив.

– Вить, что за неразбериха в Сажном?

– Здесь всегда так. Ты просто забыла.

– Нет. Девочка погибла. – Она царапнула ноготком клеенку. – Работы нет. Поселок вымирает. Мост не скоро починят, Вить.

– Если починят.

Аня запрокинула пряди волос за уши, приосаниваясь перед вопросом.

– Где семейные фото? Я не нашла фотографии тети. А гербарии? Бабушка даже не вспомнила, где альбомы.

Витя прекратил жевать и дернул плечами:

– Не вспомнила или не захотела.

Аня сверлила его взглядом. Упорное безразличие брата начинало ее бесить.

– Это почему? – сердилась.

– Слушай, не хочу мусолить эту тему.

– Где альбомы?

– Зачем тебе?

– Витя, где альбомы?! – рявкнула Аня, готовясь встать и схватить его за грудки. – Там хранятся мои фотографии.

– На чердаке. Или в шкафу в зале, – вспльхиво предполагал брат. – Что за ностальгия?

– В смысле?

– Ты явилась за фотографиями?

– Нет. – Она прижала ладони к столешнице, смотря ястребом. – Ты не рад моему приезду?

– Перестань.

Аня готовилась услышать «плевать мне на приезд и на тебя», но Витя лишь прокашлялся, продолжил жевать суп. Какое-то время они сидели молча. Аня достала из духовки пирог.

– О, сладкое. – С вялым энтузиазмом Витя отрезал кусок.

Аня зашебетала:

– Сгущенки бы купить. Ты ведь со сгущенкой любишь? Я дам денег, купишь завтра?

Витя кивнул с набитым ртом. Они заварили себя чаю и заняли прежние позиции обороны за столом.

– Почему ты не была на похоронах? – вдруг спросил он, рассматривая ее поверх кружки в руках.

Аня сделала глоток, но от першения голос сел:

– Я... не выдерживаю там. Кхм... кладбище... Ты ведь помнишь тот обморок на похоронах бабушки. – Аня стыдливо сутулилась, потирая шею. – Даже не знаю эту девочку. Вы дружили?

– Почему ты не была на похоронах мамы?

Пол будто медленно качнулся и рассыпался. Аня понимала: этого вопроса не избежать, и тем ни менее надеялась на понимание, на отсрочку обвинений.

– Я болела, ты же знаешь, – потупила она взгляд. – Лежала в больнице. Жуткое отравление.

– Ты не приехала потом.

– Витя... Обследования и...

– Два года?! Ты ведь ни разу не пришла на ее могилу. Она была тебе как мать. Воспитала, а ты не знаешь, где ее могила. Ты даже...

Витя вскочил, как ужаленный.

– Я понимаю, что виновата, – остановила резким жестом.

– Зачем ты приехала?

– Что? Бабушка нам звонила, – напомнила Аня, выводя разговор в тихий брод. – Она беспокоится. Ты пропадаешь на два, на три дня. Под утро возвращаешься, и запах алкоголя...

– Это было всего один раз! – вспыхнул Витя.

– Синяк под глазом. С кем ты подрался?

– Банка с полки упала.

Аня придавила его взглядом.

– Мы все беспокоимся.

– Ну-ну, – он с грохотом опустил тарелку в раковину, включил воду.

– Мы хотим помочь. Я переживаю за тебя.

Аня сделала шаг навстречу: осторожно, словно перед загнанным хищником. Витя щетинился от обид и недоверия.

– У нас все хорошо, – отчеканил. – Ты зря потратила время на дорогу, на подарки. На разговоры.

– Детский сад! – Она потирала нервно руки. – И споры – детские!

– Неправда!

– Да? Вырос? И что Виктор Анатольевич? Что думаешь о своем будущем? Кем видишь себя?

– Я разберусь. Мне инструктор не требуется. Считаешь, приехала и все решила? Всех просветила как лучше, что лучше?

– Тон убавь! – обозлилась Аня. – Зрители нужны? Хочешь всех разбудить, всю округу?

Витя молча драил кастрюлю, отвернувшись к ней спиной. Претензии исключат возможный компромисс. Аня пошла на попятную.

– Я приехала, чтобы поговорить серьезно, как со взрослым. Я понимаю, тебе тяжело. – Голос дрогнул: – Я сожалею, что меня не было рядом. Прости. – Аня всматривалась в знакомые углы, но видела чужую кухню и белую скатерть в свекольных пятнах. – Что мне еще сказать? Ты не слушаешь? Думаешь, не страдаю? Я ее так любила, – Аня задрала голову, моргая от подступивших слез. «Не раскисай! Не раскисай! – приказывала себе. – Не дави на жалость». Но решимость гасла. – Здесь без нее не смогла бы. Прости. Ты имеешь право злиться.

– Я не потому злюсь.

– Мне жаль, что случилась трагедия с твоей одноклассницей.

– «Мне жаль», – передразнил он.

– Я сожалею! – горячилась. – Я виновата! Ты это хотел услышать?

Витя сощурил глаза осудительно:

– Прекрати.

– Тогда к чему протесты? Испытательный срок? – Она подняла воротник свитера и утерла рукавом нос. – Наказание такое?

– Ты понятия не имеешь, что здесь происходит.

Аня вопросительно уставилась на брата, ожидая пояснений. Тот лишь смотрел с укоризной в ответ. Так они и замерли, оценивая недосказанность.

– Не имею, – согласилась она. – Так просвети. Здесь разруха. У всех голова пухнет из-за трагедии. Неужели девочка могла сама...

– Кривотолки, – перебил ее брат. – Затронь кого – и увязнешь. Топь.

Втянув воздух, Аня досчитала до пяти. Разговор больше напоминал допрос, нежели дружескую беседу.

– Я могу помочь?

Краткий отблеск доверия мелькнул в беспокойных глазах брата, но внутренние колебания пресекли слова:

– Нет. Помощь не нужна. Всё норм.

– Ага. Супер! – она хлопнула в ладоши. – Мог и по телефону так сказать. Норм. Ок. Спок. Зачем любезничать? Ляпнул бы бабушке: ну ее, эту Аньку, эту предательницу, – перекиривляла его своим срывающимся от горечи голосом. – Вы ведь вместе пели о разлуке. Обняться! – возмущалась она. – Быть рядом!

– Тебя рядом не было! – упрекнул Витя. – Не было. Два года назад тебя не было рядом.

– Значит, ты против моего приезда?

Он склонил вбок голову, отвел взгляд.

– Ты ведь понимаешь, – рассуждал откровенно, – бабушка пригрозила вызвать отца. Через участкового хочет надавить, через школу.

– Он пьет? – Аня сурово осматривала брата. – Так и пьет?

Витя неопределенно мотнул головой.

– Только здесь. Когда приезжает, по вечерам где-то набирается до полумертвого.

– Руку поднимает?

– Один раз. Знаешь, главное о маме не вспоминать. Только не вспоминать при нем о маме. – Витя попытался неунывающе улыбнуться, но получилась страдальческая гримаса. – А там, на Севере, у него семья вроде как. Не знаю. Он звонит всегда трезвый, деньги высылает в конце месяца. Мне через год восемнадцать, – оживился. – Я всего лишь не хотел, чтобы она его вызывала. Он бы явился в бешенстве.

– И потому приглашал меня? – расстроено осознавала Аня. – Восемнадцать! Тебе еще и семнадцати нет.

Витя совсем сник.

– Я надеюсь, твой приезд ее немного успокоит. Просто скажи бабушке, что я согласен на все твои... на все твои самые разумные предложения. Просто успокой ее.

Аня оживилась:

– А ты согласен?

Брат убрал чистую посуду в шкафчик. Она не двинулась с места, и он отстраненно убедил:

– Я разберусь самостоятельно. Я ведь справлялся последние годы.

Вот и поговорили. Аня молча смотрела на него, выискивая крепез в расшатанных отношениях. Когда-то они доверяли друг другу тайны.

– Договорились? – кивнул он миролюбиво.

И Аня с упавшим сердцем покорно вторила:

– Договорились.

Глава 3. Яд

Дутые тучи косыми лучами прорезало солнце. Восточный ветер крутил воронкой холод зимы. Аня шагала по разбитому тротуару, изредка здороваясь с прохожими, осматриваясь по сторонам. Подтаявший наст белел островками. Старость и ветхость чернели в стенах трещинами. Некогда крупный пригород Ямска, рабочий поселок Сажной, за три года пугающе вымер. Заброшенный дом встречался через каждые два-три двора. Улицы пустовали в обеденный час воскресного дня. В прошлом по выходным здесь оживленно беседовали соседи, галдели школьники, мотались машины. За двадцать минут пути проехала всего одна легковушка. Захолустье.

Непрерывно работающий телевизор вдолбил в мысли обрывки новостных фраз. Ане хотелось проветрить себя от снотворного полумрака комнат. Она шагала, пряча руки в карманы, а щеки – за капюшоном, и ругала на чем свет стоит собственную самонадеянность. В планах согласие выглядело легкодостижимым, а на деле брат принял обеспокоенность за поучение.

Аня свернулась с затертой табличкой под козырьком черепичной крыши. Еще два поворота по каменистым дорожкам. Решение купить сгущенку к остаткам пирога родилось спонтанно. Пораженческое желание идти прочь без оглядки. В ларьке рядом с домом продавался только хлеб и отсыревшая выпечка. Отлично. Пересечь половину Сажного в поисках торговой точки – подходящий повод избежать совместного обеда с ворчащей бабушкой и хмурым братом.

Майская, Барьерная, Подгорная улицы остались в южной части поселка. Аня вынырнула из узкого переулка, упираясь взглядом в отштукатуренный синим фасад магазина «Шико», – квадратный и приземистый, он таранился двумя громадными окнами на пустую остановку. Из Ямска в объезд моста пустили всего два рейса: утром и вечером. Признаки жизни в этом районе подавали только собаки во дворах. За «Шико» начинались стройные улицы трехэтажек, огороженных тополями и кленами. За ними якобы открыли супермаркет, но искать его Аня не захотела. Она откашлялась в ладонь, поднялась по широким ступеням и потянула на себя ручку тяжелых металлических дверей «Шико».

Магазин начинался с отдела бытовой химии, и запах стирального порошка пропитывал всё помещение лимонным концентратом. Продавщица, кутаясь в жилетку из лисьего меха, отвлеклась от разговора с покупательницей, очевидно, подругой, но Аня задумчиво побрела вдоль холодильников. Колбасы, сыры, полуфабрикаты. На полках стеллажей высились банки, пачки с крупами, коробки с выпечкой, конфетами и фигурными крекерами. В углу блестели пирамидой жестянки со сгущенкой, а рядом – контейнеры из пищевого пластика с жевательным мармеладом: червячки, зубы вампиров и прочая, кажущаяся в десять лет невообразимым деликатесом, тянучка. Дину всегда получалась уговорить купить с десяток мармеладин, даже когда «вредно» и «нет денег». Сейчас Аня могла закупить килограммы этой сладости. Но прикус счастья из детства куда-то исчез.

Аня шагала по скользкому асфальту, шелестя пакетом с мармеладными монстрами. Двести граммов лакомства и обоз воспоминаний. Сквозь тени событий лицо тети проступало все четче, все улыбчивее.

Мармеладная нечисть. Это было их с тетей лакомство. Их двоих. Витя всегда воротил от желе нос, обожая зефир, а бабушка признавала только кисель. Дорога шла на спуск. Заборы становились длиннее и глуше, дома встречались реже. Мотоциклист раздраженно посигналил за спиной, и Аня ушла с проезжей части, пачкая замшевые сапоги в грязь, но уже о том не переживая. Она словно шагала сквозь время, забывая о возрасте – вспоминая закоулки Сажного, тропы в лесу, потайные места для прятков в парке.

Тучи наводнили небосклон акулами, ветер стих. Аня спустилась в ложбину, пересекла скрипящий мост через обмелевшую речушку. Дома остались нерешительно за спиной, на возвышении, словно любопытные спутники, подначивающие: дальше – одна. А дальше разрослись заросли шиповника, опутывающие решетчатую изгородь деревьев – стену, в прорезях которой виднелись кресты и гранитные плиты. Кладбище.

Аня обогнула поросль карликовой ивы, пресекла лужайку и остановилась у распахнутого каркаса ворот в пятнах серой краски. Нужно было перекреститься перед входом. Так всегда делала бабушка. Аня сжала пальцы, рассеянно озираясь, забывая намерение через секунду. Хотелось развернуться и идти – идти прочь от безлюдного места, впитавшего скорбь каждым клочком земли.

Ноги неуверенно ступили на глинистую кладбищенскую тропу. Надгробия громоздились по сторонам с равнодушием и спокойствием камня. Тропинка змеилась. Аня начинала дышать ровнее, с облегчением понимая: ее беспокойство, муторные переживания – преувеличены тревогами последних дней. Кладбище опутывало атмосферой вялости, разжижающей мысли.

Вначале Аня просто шла, словно привыкая к пассивности звуков и шорохов, давая гранитным постовым над могилами привыкнуть к ней, приглядеться. Потом она осознала, что блуждает среди оград потерявшимся путником. Аня знала, что тетю похоронили рядом с дедушкой, но отыскать его могилу выдалось трудной задачей. За девять лет кладбище разрослось. То, что раньше считалось окраиной, теперь тяготело к центру. Повсюду закрывали обзор выросшие елочки и березки. Аня брела, робко озираясь на черные плиты надгробий. Знакомые фамилии вызвали в памяти блеклые образы из народных гуляний. В Сажном проживали огромные семьи, целые поколения: Мельниковы, Агафоновы, Пономаревы, Сычевы. Все в Сажном состояли в родстве в энном колене.

Аня помнила кладбище зеленым и многолюдным. В последний раз она плелась здесь в тумане температуры пять лет назад, на Пасху. Без зелени памятники выстраивались в гранитно-мраморный лабиринт. С каждым новым шагом Аня быстрее отдергивала взгляды от надгробий. Лица суровых стариков, серьезных мужчин, улыбающихся женщин, ангелочки на надгробиях детей. Эпитафии сливались в плач. Перед глазами роились мрачные иллюзии – моменты, когда жизни этих людей остановились, выровнявшись двумя датами. Горе вонзило когти под сердце, и ознобом пробилась в подкорку неотвратимость смерти.

Подняв взгляд, Аня осознала, что стоит у свежей насыпи земли. Над цветущим венками холмом возвышался деревянный крест с надписью: «Алиева Виктория Кирилловна». Та девочка, одноклассница Вити. На погосте серо-черного траура яркие, до рези в глазах, искусственные цветы хранили напоминание о молодости, упрятанной под толщу глинистой почвы.

Ветер качнул атласные ленты с надписями соболезнований. Лампадка скатилась с холма прямо под ноги. Аня инстинктивно обернулась. В нескольких метрах за спиной на тропе стояла собака. Крупная немецкая овчарка в желтом ошейнике. Явной угрозы не исходило, но Аня похолодела от страха. Откуда здесь пес?

В мертвой тишине не различалось ни звука, и Аня стояла тихо, сжимая пакет с липким мармеладом в кармане. Собака смотрела на нее изучающе, неотрывно. Хотелось рвануть прочь, но Аня боялась шелохнуться. Справа, в шагах десяти за дырой в кладке, чернели голые ветви разросшейся сирени. Среди сирени едва различался терн. Похоже на северо-западную окраину кладбища. Насколько далеко я зашла? Аня сделала неуверенный шаг в сторону, слабо припоминая советы в опасных ситуациях. Собака лишь слегка пригнула голову, удерживая ее взглядом.

Бросится. Если я побегу, она настигнет за минуту. Аня сделала один робкий шаг в сторону. Там, за зарослями удастся скрыться. Там можно вооружиться палкой.

Аня нерешительно крунулась, оглядываясь, но избегая прямо смотреть на собаку, – наблюдая за той вскользь, с напуском безразличия. Подобное оцепенение могло случиться

с ней только на кладбище, у свежей могилы. Хозяина по-прежнему не наблюдалось. Все инстинкты ошалело вопили: беги! Но вот овчарка дернулась – вслед вздрогнула Аня. Пес повел носом по воздуху, развернулся и трусцой побежал вглубь кладбища. Когда он скрылся за братской могилой, Аня прытко юркнула в заросли сирени. Царапая руки о колючки терна, она торопливо выбралась на пустырь перед лесом.

Лучше шагать по грязи, чем среди могил. Пустырь делила пополам грунтовая дорога из леса – короткий путь на федеральную трассу. Снег рыхло белел в ложбинках зерном. Аня шагала по сухостою вдоль дороги, надеясь невредимой добраться к людям.

Спустя минут пять быстрой ходьбы за спиной возник шум приближающегося автомобиля. Аня отдалилась от кривой колеи дороги без оглядки. Автомобиль, как назло, сбавлял ход вровень с ней.

– Подвести? – услышала она знакомый голос.

В открывшемся окне нечетко просматривалось лицо Сыча. Аня с облегчением выдохнула, впервые настолько обрадовавшись встрече с ним. Сыч открыл переднюю дверцу, приветливо поздоровался, и она заспешила к авто.

– Не ожидала здесь встретить кого-нибудь, – нарушила молчание Аня, когда паника унялась и автомобиль съехал с пригорка.

– И я. Гуляешь?

Сыч смотрел впереди себя, плохо скрывая недоумение.

– Я хотела проведать могилу тети. Но там заблудиться можно.

– Позвала бы брата.

– После школы он психованный.

Сыч понимающе кивнул.

– Как он? Справляется? – вдруг проявил участие.

– С трудом.

Аня смотрела сквозь лобовое стекло и не замечала дороги, раздумывая о том, что время подтачивает память, но не горе. На зеркале заднего вида болтался мешочек с освежителем. Печка жгла воздух. Камфорные эфиры напоминали погребальные благовония, из которых устойчиво раз за разом проступала гарь: горкло-древесный дымок, характерный для степных пепелищ.

– Кладбище стало шире, – жаловался Сыч. – Даже лес рубят с окраины.

Она чихнула, и извинившись, заметила:

– Сирень разрослась. Там... там собака бродит. – Аня покосилась на каменную кладку кладбищенского ограждения. – Среди могил.

Сыч напрягся:

– Собака? – и заглянул за попутчицу.

– Не здесь. Среди могил. Овчарка в желтом ошейнике. Кому пришло в голову выгуливать ее на кладбище!

Аня невольно покосилась на запястье Сыча – на кожаном ремешке болтался завиток окислившейся бронзы.

– Она напала?

– Нет. Нет, просто... жутковато с ней находиться... там. А ты?..

– Я из Южанки.

– Ого!

– Да, навестил родственников.

– Ты в автосервисе работаешь? Как поживает Марина Федоровна?

– Дядю похоронили, – ответил Сыч дороге. – Больше года уже. Тетя сразу уехала к брату.

– Соболезную. – Аня царапнула ноготком рукав куртки. – А Настя?

– В Питере. Мастерскую и магазин теперь я держу. Точнее, поддерживаю.

– Один?

– Нет, с другом дяди. Мать отказалась переезжать. После смерти отца ей здесь нездоровится.

Аня провела заунывным взглядом деревья за мостом:

– Как я ее понимаю.

Они повернули на Сажной, и Аня отвлеклась на размышления. Получается, в доме Глотовых теперь обосновался Сыч. Племянник. Марина Федоровна вместе с Диной работали в школе, первая – учителем истории, вторая – библиотекарем. Они неплохо ладили, вместе создавали школьный музей. А вот с мужем Марины Федоровны, местным предпринимателем Касьяном Глотовым, у Дины отношения не клеились. Он был человеком хозяйственным, но хамоватым, вспыльчивым и грубым. Лет до двенадцати Аня считала его охотником, настолько часто он появлялся с ружьем в лесу, иногда – с заикающимся братом, лесничим Фомой Сычевым, отцом Кости. После смерти отца мать забрала Костю, переехала к родителям за шестьдесят километров, в станичный городок Южанку. Но Сыч уже сдружился с местным хулиганьем, и все каникулы гостил у родни в Сажном. Дядя ему бездельничать не позволял: гонял с мелкими поручениями, в мастерской приплачивал, учил охоте. Поначалу отечески опекал, но где-то в классе десятом отношения с племянником разладились вдрызг. Сыч отличился в нескольких драках с задержанием, и дядя его выставил.

Подростки Сажного Глотова ненавидели. Он ополчался зверем, стоило только сунуться в чащи леса, или (упаси боже!) к насаждениям елок. Местные едва ли не с разрешения ходили через лес к сосновому холму за грибами. Гловтов водил дружбу с директором департамента лесного хозяйства области, негласно верховодил в лесхозе и владел елочным питомником за холмом. Проблемы поселка решались при его обязательном участии. Создавалось впечатление, что со смертью Глотова Сажной осиротел и развалился.

– Сейчас здесь жилье сдают за бесценок, – негодовал Сыч, словно отвечая ее мыслям. – Местные бегут к цивилизации.

– И представить не могла, что в Сажном все рухнет.

– Мукомольный завод сгорел, – пояснил Костя. – Половина поселка лишилась за ночь работы. Шахту закрыли. Поля забросили. Теперь многие стали вахтовиками: Челябинск, Амурск. Дядя ваш, вон, на приисках. Не верится, как быстро может вымереть многолюдный пригород, – он посмотрел на нее тоскливо, но Аня отвернулась.

Наедине с ним молчание вызывало неловкость. Горькие запахи пижмы, полыни и чабреца смешивались с разогретым душком бензина, и вновь проступала гарь. Аня потеряла переносицу.

– Красивая открытка, – произнесла, переключая внимание с «благоухающего» степью мешочка на подарочный конверт.

Рядом с конвертом в сердечках на приборной панели золотился сувенирный цилиндр коробки.

– Это для Ярмака. Надя заказала. У него завтра днюха.

Аня сделала вид, что помнит:

– Точно. Это ему двадцать два будет?

– Двадцать один.

– Ну да, он ведь учился на класс старше.

В компании друзей детства Аня была самой младшей и самой низенькой. Ярмак, родной брат Лоры, дразнил ее в ссорах Полевкой.

Автомобиль проехал мимо магазина «Шико», свернул в переулок.

– Они с Надей хотят тебя пригласить. Еще нет? – удивился Сыч.

Аня неуверенно мотнула головой. Телефон она беспечно оставила дома.

– У нас иногда тут связь пропадает, – предупредил. – А интернет стабильно. Иначе бы – забастовка, – он усмехнулся.

Аня улыбнулась в ответ. Тысяча и одна напасть. Сажной словно превратился в громоотвод неприятностей.

– Высади меня у парка, пожалуйста.

– Я могу подвезти.

– Спасибо за беспокойство, – Аня смотрела в окно, желая поскорее оставить душный салон, выветрить ядовитый дух гари, унять головокружение, избежать разговоров. – Мне еще нужно навестить кое-кого, – соврала дружелюбным тоном.

Автомобиль затормозил у плексигласовой остановки, подходящей на часть пробитой трубы. Водитель потянулся к коробке передач, но рука его вдруг опустилась к сиденью Ани.

– Потеряешь, – усмехнулся он, указывая на свесившуюся из кармана перчатку.

Аня спрятала перчатку и потянула ручку, но дверца не открылась. Она толкнула сильнее. Заперто.

– Ой, – пугливо засуетилась. – Что-то не поддается.

Сыч нагнулся, сокращая напряженную дистанцию до сантиметров, и повторно щелкнул ручкой – дверца распахнулась. Аня промямлила благодарности и беглянкой нырнула прочь. Внедорожник тронулся, и только тогда она подняла глаза. На противоположной стороне улицы стоял Витя. Его хмурый взгляд просверливал ее беспокойством. Она подняла руку в приветствии, но он отвернулся и вжал палец в звонок калитки каменного дома.

Аня хмыкнула и направилась к брату.

– Свидание? – рискнула пошутить.

Витя настойчиво игнорировал ее, смотря сквозь решетку в калитке. Из двора дома появился коренастый подросток в болоньевой куртке и черной шапке, с белыми иероглифами на весь широкий лоб. При виде Ани его круглое лицо расплылось в хитрой улыбке, а раскосые глаза маслянисто заблестели.

– Это твоя сестра? – спросил он Витю. – Сестра?

– Да. Аня – Гриша, – представил мимоходом.

– Грегор, – кивнул тот. – Как Макгрегор, только без «Мак», – смешок. – Как Мендель.

Застывшее выражение Аниного лица удостоилось пояснения:

– Не Менделеев. Мендель.

– Гриша... – поморщился Витя, подталкивая его идти.

– Твой друг? – косилась Аня на брата.

Гриша кивнул, нагло рассматривая ее, словно ожившего персонажа комикса.

– Вместе учитеесь? – пыталась завязать разговор Аня. – Увлекаешься генетикой?

– Генетикой? – замешкался Гриша, дергая воротник куртки под подбородок.

– Ну, Мендель...

Витя протиснулся между ними, кивая на приятеля:

– Он – в девятом. Мы от школы в футбол играем.

– Мне скоро шестнадцать, – сообщил Гриша с гордостью. – И мы друганы. Верняк.

Аня обогнула дыру тротуара и поравнялась с братом.

– Почему ты оставила телефон? – вдруг спросил Витя с родительской интонацией.

– Забыла. А что? Кто-то звонил?

– Я. – Но Витя тут же осадил взволнованность, скучаяще добавляя: – Бабушка тебя искала. Где ты была?

– На кладбище.

– На кладбище? Одна? – Витя остановился, и вмешался Гриша:

– Одна? – переспросил, источая восхищенное любопытство. – Цербера видала?

– Кого?

Витя заслонил друга:

– Зачем ты ходила туда?

– На могилу Дины. – Аня с досадой пнула камушек. – Заблудилась и... В общем, следовало расспросить тебя.

– И Сыч подвез, – осуждающе бросил брат.

Гриша округлил глаза:

– Сыч? Ничесе, ты с Сычом знакома?

– А вы не знакомы?

– Нас он не подвозит, – сердился Витя. – Разве вы общаетесь с ним?

– Он просто подвез меня.

– Дважды за неделю.

– Что в этом такого? Он парень моей подруги.

– Бывшей подруги. Если мне память не отшибло.

– Тебе манеры отшибло. И уважение.

Гриша одернул Витю за рукав, но тот кипятился:

– Сколько помню, избегала его. Имя упоминать запрещала.

– Глупости!

– А эти фифы. Бабушка говорит, ты встретила с прежней компашкой?

– Случайно. Да, мир тесен.

– Зачем ты водишься с ними? – разочарованно допытывался Витя. – Разве мало рыдала от козней? Змеиное кодро.

Аня вспыхнула обидой:

– Прекрати!

– Это твое выражение.

– Тебе нравится прилюдно ругаться? – пыталась вразумить его. – Чем тогда лучше их?

Они остановились напротив хлебного ларька.

– Я говорю тебе правду в глаза.

– А мне нужна она, Вить? – оскорбленно вскрикнула Аня. – Твоя чертова правда?

Она пересекла пустую дорогу, оставляя подростков в замешательстве. Огорчение костенело внутри. Учить меня будет. Хлюпик доморощенный. Аня распекала его последними ругательствами за то, что он вздумал пристыдить ее прошлым. В Сажном есть, кому полоскать ее биографию. Аня сжала кулаки, поворачивая за угол. Прошлому место на фото – сейчас она другой человек. Смелый и успешный. Глупости, что было. Глупости. Люди меняются, преодолевают обстоятельства. И даже если все здесь не изменилось, она уже не та ранимая девчонка, не тихоня-Полевка-без-семьи.

Но придя домой, Аня стыдливо взглянула в зеркало: краснота глаз выдавала слабость, темные круги очертили усталость последних дней. «Я приехала навестить родственников». Пальцы потеряли пятнышко на переносице, но грязь не исчезала, серея пеплом. Она стянула шапку и пригладила волосы, возвращая ровность дыханию. «Наладить отношения с братом. Не доказывать! – приказала отражению в навесном зеркале. – Не доказывать ничего обидчикам».

В восьмом часу вечера позвонила Надя.

– Привет! – проворковала в трубку, будто они расстались минуту назад. – Не отвлекаю?

Аня, клевавшая носом над мятой бумажкой с рецептом, ответила сонно:

– Привет.

– Я звонила тебе раз пять, – сдержанно возмутилась Надя. – Все в порядке?

Подавив зевок, Аня сердито оглядела кухонный стол:

– Нет. Мука плохая, тесто – гадость. – И проворчала в трубку: – Я пыталась испечь эклеры.

– О-о! Я вовремя. Раз с десертами беда – отправляйся в гости. Как насчет завтра? Торт и гора конфет. – Она хихикнула. – Помнишь, в восьмом? Гора конфет.

Аня хохотнула, вспоминая как они навели брови и чокались трюфелями с коньяком.

– В четыре у нас праздник, – сообщила Надя.

– Да? – Аня старательно изображала заинтересованность.

– День рождения у моего Ромы. Приходи! Все соберутся. Как раньше.

Аня сомневалась, что хочет собраться так, как раньше. И в голове упрямо не перезаписывалось, что Надя теперь Ярмак.

– Спасибо. Не могу обещать.

– Глупости! Можешь. Эй, это будет встреча века!

– Маловероятно.

– Аня...

– У меня просто на завтра планы, – в ладонь сочиняла Аня.

– Что? В Сажном? Здесь в будни скучотище. И не в будни, – смешок, а затем череда возмущений.

Аня помалкивала, обдумывая ответ любезный, но категорично отрицательный.

– Ладно, – голос Нади потускнел. – Если передумаешь, калитка открыта.

Разговор завершился скомканным пожелаем добрых снов. Аня взглянула на мигнувшее уведомление – сообщение в «Скайпе»: «Пусть тебя там волки за бочок клац-клац!». Звонок с подругой сорвался – одноклассница Дашка прекратила пилить ее за прогулы, вымогая возвращения и киношек. Жаль. Сейчас ей хотелось поболтать с кем-нибудь понимающим. В кухню вошла бабушка.

– Анечка, ложись спать. Скоро полночь. Ну их те пряники.

– Эклеры.

– А-а. – Она закатали рукава байкового халата. – Я пельмени варила, разогреть?

Аня сложила лист с рецептом Дины, вздыхая:

– Спасибо. Я сама разогрею.

– Выключишь телевизор?

– Хорошо. Пульт барахлит?

– Нет. Боюсь сломать телевизор. Это Толя купил. Плазма, – кивнула важно бабушка. – Он приедет, а я, деревенщина, технику спалила.

Бабушка налила себе из графина воды и, разжевав таблетки, запила их мелкими глотками.

– Что за таблетки?

– Эти? – старушка удивленно прижала ладонь к щеке. – Эти мне Егоровна дала на рынке, когда сердце прихватило. Ой, иногда покалывает.

Аня отчетливо вспомнила инструкции мамы относительно бабушкиных недомоганий: конфисковать все сторонние медикаменты.

– А называются как?

Бабушка похлопала себя по карманам и извлекла жменю разноцветных ячеек блистеров. Прищурилась:

– Тут названий не разобрать, – пожаловалась. – Это меня на поминках снабдили. Так, – перебирала таблетки, словно конфеты, – это соседка в магазине посоветовала. Ох, это невестка Люд-счетчицы угостила. От суставов.

– Люд-счетчицы? – вразумляла Аня.

– Эллочка. Она с образованием, в мэрии работает.

– Дай сюда! – протянула Аня руку. – Разве можно так принимать? Тебе их выписывали?

Бабушка воровато спрятала таблетки в карман.

– Ишь, чего удумала! Помереть мне тут?

Несколько мгновений они бодались взглядами. Аня с трудом подавила желание силой забрать лекарства. Маму бы удар хватил при виде такого лечения.

– Витя ужинал? – спросила бабушка, словно внук не умел держать ложку. – Он вечно жует бутерброды по ночам, – найдя это забавным, она усмехнулась.

– Ужинал.

– И ты, Анечка, поужинай. – Бабушка развернулась уходить. – Посмотрю еще новости. Вдруг задремаю – толкай.

Аня достала из холодильника чашку с пельменями и поставила на огонь сковороду. В этом доме никто не хотел к ней прислушиваться, даже газ вспыхивал с третьей попытки. Но за поеданием домашних пельменей, гнев угас. Аня жевала и блаженно возвращалась в беззаботное детство, когда они с Витькой прибежали с улицы, мыли с гогомом руки и садились за накрытый стол. Не нужно было сравнивать ценники, затариваться продуктами, рассчитывать калории и стоять у плиты. Знай – кусай себе пирожок и строй брату рожицы.

Тарелка опустела, Аня выключила телевизор. Бабушка давно закрылась в спальне, из комнаты брата сквозь щели двери сочился мутный свет бра. Аня погасила лампу над обеденным столом, погружая дом во мрак. Она села на диван у окна, всматриваясь из холодной кухни в звездное небо. Вскоре глаза привыкли к темноте, смогли различить стену соседнего дома, окно, покосившийся забор и заросли сада. Рядом жила ровесница бабушки, Вера Ильинична Купчина. Купчиха. Скверная старуха с претензиями к границам огорода и воющей дворнягой. Аня всматривалась сквозь жерди забора во владения лунной полночи – чащобы за огородами. Ни огонька в степи. Очертания деревьев соседнего сада проступали пыльной тучей.

– Не всматривайся в ночь... – гипнотически прозвучал голос брата.

– ...не дразни чудовищ. – Аня грустно улыбнулась, отнимая взгляд от сплетений ветвей. – Почему она всегда так заканчивала сказки?

Витя открыл холодильник, и блеклый свет уничтожил химерные думы.

– Не знаю. – Он включил светодиодную ленту над столиком у раковины; крутнулся, достал батон, принялся нарезать колбасу и сыр. – Наверное, чтобы мы быстрее уснули. Но я до сих пор боюсь смотреть в окно по ночам.

– Дина умела рассказать страшилку.

– Ага, – Витя откусил бутерброд, словно ел впервые за сутки. – Мама их терпеть не могла рассказывать. Ты просто способна уболтать любого. Зря не пошла на психотерапевта.

Аня смолчала, что в медицинский она попросту не поступила. Поднялась, наспех соорудила себе бутерброд.

– Это она тоже терпеть не могла. Когда мы ели в сухомятку. – Она откусила бутерброд.

– Еще и ночью.

– Ты всегда хомячил ночью.

– У меня сон плохой.

Аня рассмеялась с набитым ртом:

– Потому што аппетит шлона.

Витя тоже рассмеялся. Ей мимолетно показалось, что сейчас им нет и тринадцати. Они сидят в полумраке кухни и жуют бутерброды, хотя должны крепко спать.

– Опять кошмары? – спросила Аня, памятуя, как в полнолуния они маялись от бессонницы: выдумывали страшилки, чтобы в одиночку не ждать первый крик петуха.

– Нет. – Витя включил чайник. – Так, иногда накатывает хандра.

– Знакомо.

– Тебе стоило предупредить меня, что идешь на кладбище. Я бы провел.

Аня сникла.

– Я не планировала. Спонтанно как-то вышло. – Ее блуждающий взгляд сосредоточился на стекле окна. – Это царапины? – потеряла она рукой короткие линии. – Снаружи. Гляди, кто так подрал окно?

Витя головы не повернул.

– Коты.

– Ого ж. Тут такие когти, – и ее указательный палец полностью скрыл борозду.

Слова исчерпались, кружки опустели. В комнате бабушки скрипнула кровать, Витя торопливо потушил свет.

– Мне не хотелось с тобой сориться, – признался. – Если я обидел...

– Ерунда. Нервы.

Сейчас она различала только угловатый силуэт. В темноте, когда твое лицо скрыто – легче признать неправоту, проще говорить откровенно. Аня всматривалась в фигуру напротив, словно ранимый призрак прошлого обретал очертания.

– Мне жаль, что мы долго не виделись, – кралась навстречу Аня.

И тут за окном нечто грохотнуло. Они, не дыша, осмотрелись.

– Черепица ссунулась, – тихо предположил Витя.

Аня кивнула, вспоминая нагромождения старой черепицы вдоль стены.

– Коты? – Она постучала по стеклу, имитируя код Морзе: – У-хо-ди-те.

Витя не шелохнулся, понуро отдаваясь мыслями во тьму.

– Не всматривайся в ночь... – позвала его Аня из окружающей стаи тревог.

Но он добавил без тени ее улыбки:

– ...не дразни чудовищ.

Глава 4. Маскарад

Скрипучий голос уничтожал безмятежный сон:

– Внученька, подъем! Анюта, – трепали ее за плечо, – уже одиннадцать. Подъем. Включи мне телевизор.

Свет бил в окна с силой стадионных прожекторов. Аня спрятала голову под одеяло, надеясь скрыться от зудящих требований, холода и выжигающего глаза освещения. Но голос надвигался дрелью:

– Подъем! Тебе звонили. Телефон пищит и пищит, что такое? Аня!

И тут ее похлопали по голой спине холодной ладонью.

– Бабушка! Я встаю.

В коконе одеяла Аня нехотя побрела к телевизору, наступая пяткой на сползшую штанину пижамы. Воткнула вилку в реле напряжения, нажала на кнопку питания. Комнату озарили ликующие голоса. Аня зевнула и наклонилась к телефону на пыльном подоконнике. Два пропущенных от мамы, а потом – сообщение: «Дочь, мозговой центр паникует без информации». Аня усмехнулась, опять зевнула.

– Чем это пахнет?

– Купчиха принесла пышки. Поминать деда. Семёна Марковича, – растолковала. – Как-то тихо, – и бабушка почему-то прищурилась. – Сделай громче. Ничего не слышу.

Аня прибавила громкость и вручила бабушке пульт. Телевизор транслировал бал. Аня зевнула, отвернулась. Плечи озябли, ноги леденели на голом полу: батареи едва справлялись с обогревом.

– Там сильный мороз?

– Ага, – бабушка сосредоточенно вникала в галантные реплики дворян. – Минус десять. Но ясно как летом.

Аня обула тапочки и побрела в туалет, по пути заглянув в открытую комнату брата. Бабушка всегда распахивала дверь настежь в его отсутствие – вот вам и личное пространство, внучата. В свое время Аня порядком настрадалась в борьбе за закрытую дверь, но проиграла. Спальня Вити осталась такой же коричнево-серой: стол, окно, в углу распух шкаф, кровать в ажурном покрывале напоминала музейную. Камин, он же кирпичная печка в прошлом, растапливался один пробный раз. Сейчас бы Аня с радостью разожгла его, но все опасались задымления. Подтянув штаны, она сложила на ходу одеяло и спрятала его в комод за диваном. Вновь покосилась на камин, морща нос. Неужели никто не слышит гари?

Окно над ванной наполовину обросло коркой льда. Зима показала характер. Вспаханый огород мерцал изморозью. Вот и еще один день дома. Что ответить маме? Твой крестник уперся бараном в забор обид. Претензии, обвинения...

Устав от самобичевания, Аня занялась уборкой. Отскабливала, пылесосила, мела, мыла.

Во втором часу окно веранды сотряс стук. Аня бросила полировать зеркало над вешалкой и выглянула во двор. На пороге в норковой шубке стояла Надя.

– Аня! Баб Шура! – позвала она. Новое, энергичное постукивания в расшатанную раму.

– Анечка, кто там? – позвала из кухни бабушка.

– Это ко мне!

Аня прикрыла дверь и поправила растрепанные волосы, стряхнула пыль с колен. Старый спортивный костюм напоминал робу строителя.

– Привет! – произнесла Аня, удивленно всматриваясь в высокую прическу рыжих кудрей.

– Хэллоу! – Надя воодушевленно замахала пятерней, и Аня сконфуженно вспомнила о тыквах и костюмах нечисти. – Я знаю, что внезапно тут появилась, – смутилась гостья, – но у меня беда. С торгом. Через два часа все соберутся, а я испортила коржи. Криворукая. – Она

несчастно продемонстрировал острые ногти в содранных стразах: – Еще и маникюр испортила. Но с тортом – хоть плачь.

– Только я не пойму...

– Ты ведь учишься на... кондитера, – бодро выкрутилась Надя, с трудом припоминая точное название профессии. – На...

– ...инженера-технолога.

– Это круче кондитера? Я видела в инсте фотки. Вот, – она выставил экран смартфона, на котором растянулся снимок годовой давности – слоеные пирожные, стикер внизу: «Мое тортотворение!» – Не скромничай, – подначивала Надя. – Я знаю, что в Сажном мне помощи не найти. Кроме свекрови, – Надя надула губы и закатила глаза. – Нюта, два часа до гостей! Ромыч млеет от слойки. – Она состроила жалобный взгляд, нижняя губа отвисла. – Нюточка. Золотце. Если у тебя планы, Муха подбросит потом куда скажешь. Там ведь работы минут на двадцать, – и сложила молитвенно ладони.

Аня колебалась.

– Я заплачу. – Надя достала из кармана блестящий кошелек, начала отсчитывать деньги.

– Прекрати! – отвернулась Аня, желая остановить поток трюков. – Дело ведь не в деньгах.

– А в чем? – заглядывала в глаза Надя, ожидая правдивый ответ.

От ее дурачества не осталось и следа. Признаться сейчас? Высказаться с порога, что дружба себя исчерпала. Давно. Лет пять или шесть назад, а делать видимость – пытка. Заявить вот так в лоб растерянной подруге детства: «Мы чужие люди»? И Аня уступила:

– Я переоденусь. Заходи, не мерзни.

– Свежим воздухом подышу, – отказалась Надя, поднимая воротник к румяным щекам. – Баб Шуре привет!

Аня достала чемодан, ненавидя собственную мягкотелость. Ей было проще избегать, ожидать корректив времени, а сказать правду в глаза – нет. Честность казалась грубой мстостью, а на деле все получалось лицемерием и трусостью. Натянув джинсы и бежевый свитер, она собрала резинкой волосы в хвост и сбрызнула их духами. Запахло цитрусом, странный привкус гари немного ослаб.

По пути к коттеджам разговор вращался вокруг слоев и детского питания. Надя скользила шпильками по гололеду, и Ане приходилось вести ее под руку. Со стороны они выглядели близкими родственницами, жужжащими о мелочах, – но возле дома погибшей девочки легкокрылый разговор оборвался бичующей паузой, затянувшейся до конца улицы.

Ярмак и Надя жили во втором от леса коттедже. Его построил двоюродный дядя Нади, шурин предпринимателя Глотова, ради соседства с сестрой. Теперь в доме Глотова под лесом жил Сыч, а дядя Нади увез семью в деревню за Урал, оставив в подарок молодоженам двухэтажный коттедж. Надя и Ярмак поженились сразу после ее выпускного. Экзамены она сдавала с заметным пузом-карапузом, и Аня вспомнила, как торопливо подписывала открытку с аистом на первой паре в университете.

– Я в этом году поступать хотела. Заочно. – Надя толкнула плечом кованную калитку. – Но этот мост. Мама успокаивает, что отремонтируют, а Ромыч радуется: «Сиди дома».

Аня невольно подняла взгляд. Двухэтажный дом был высоким и узким, с косою плоской крышей и оштукатуренными стенами. Серая темница с решетками на окнах. Они прошли по кирпичикам желто-зеленой плитки к каменному крыльцу. Помимо забора из штакетника, пустой дворик огораживали буквой «П» хвойные насаждения в игрушках и гирляндах. На душе потеплело от близости новогодних чудес. Стальная дверь дома отворилась. На пороге стояла мама Нади с белокурой девочкой на руках.

– Ося, – улыбнулась Надя, протягивая руки. – Осенька моя, пирожочек.

– Там кастрюля дымит паровозом, – напомнила мама Наде, и смерила притязательным взглядом Аню.

Мама Нади преподавала в школе музыку. Галина Альбертовна. Альбертина. Прозвище до сих пор держалось в обиходе – Витя упоминал классную руководительницу только так. С последней встречи она заметно похудела, будто ссохлась. Щеки впали, над агатовыми глазами повисла челка. К пепельному цвету волос и юбкам в пол Альбертина питала слабость. В школе она единственная из учителей делала замечания за мятую одежду.

– Так надо. – Надя, покачивая дочку, повернулась к Ане. – Посмотри, куколка моя, это Анята. Знакомьтесь: Анята – Олеся.

Девочка была похожа на отца. Редкие волосики, кожа – фарфор, бездонно-голубые глаза. От матери ей достались только щечки-яблочки и пышные губки бантиком. Девочка прижалась к маме стеснительно. Альбертина стояла на ступень выше, отбрасывая на гостью тень коршуна. Аня неловко улыбнулась. Ее опыт общения с детьми равнялся плачевному нулю.

– Приветик! – выставила Аня зубы в растянутой улыбке. – Какая ты модница. Ух ты, это кейп? – восхищалась она, потирая бирюзовую шерсть пальтишка.

В ответ малютка непонимающе погладила вышивку вдоль кармана. Одежда на ней копировала взрослую. Зауженные брючки, ботиночки с ремешками, на меховой шапочке торчали ушки-помпоны.

Аня выдавила наконец Альбертине:

– Здравствуйте.

– Добрый день, – холодно приветствовала та, затягивая ремень на узкой талии пальто. –

Витя не сообщил, что приехала крестная.

– Мама не приехала. Я одна.

– Хм. Что ж, я надеялась с ней поговорить.

– По поводу?

– Касательно Вити.

– Что-то случилось?

Она осмотрела Аню с ног до головы, и нехотя удостоила кратким объяснением:

– У него конфликт. С классом. Опять. Пусть она мне позвонит. – Альбертина улыбнулась, протягивая руки к внучке: – Наденька, давай сюда Олеся.

Надя затопталась у порога, прижимая дочку:

– Муха вот-вот приедет.

Они обменялись режущими взглядами.

– Надя, мне идти пора. Скоро отец вернется с работы.

– Ладно. Иди. Мы через час завезем Осю.

Галина Альбертовна сухо чмокнула внучку в висок.

– До свидания! – протянула назидательно, словно желая по старинке добавить: «Не балуйтесь здесь».

Надя с дочкой уже исчезли в доме, и Аня с пуховиком в руках нерешительно замерла в центре коридора. Белые стены отпугивали меловой штукатуркой.

– Эй, Нюта! – позвала ее Надя из кухни. – Где ты пропала? У меня аврал!

Аня скинула сапоги и пересекла затемненную гостиную, двигаясь на звук посуды. В тесной кухне пахло вареным картофелем и чесноком. Свет ограниченно проникал сквозь узкие окна. Белые поверхности столов утопали в грязной посуде, обрезках и продуктовых обертках. Надя отставила картофель, задвинула курицу в духовку, но на пути к скалке появилась Олеся. Игрушки ей надоели – дочка хныкала, просясь на ручки. Аня заверила, что справится сама, выпроваживая хозяйку дома на второй этаж. Она не любила, когда вмешивались в приготовление, – всегда стряпала себе на уме, в одиночестве, напевая под нос что-нибудь из рекламы.

Пока Надя развлекала Олеся считалками, Аня в фартуке с изображением многорукой индийской богини просеивала муку, раскатывала коржи, мешала мясное рагу на плите. Таймер духовки звякнул. Надя примчалась достать курицу, но в доме раздались мужские голоса.

«Надёна!» – позвал Муха из гостиной.

– Пришли, – встрепенулась Надя, поправляя причёску и скрылась из виду.

«Надя, что так вкусно пахнет?»

В гостиной раздался хохот, завязалась беседа. Аня сверилась с часами над холодильником. Полчетвертого. На улице стремительно темнело, будто солнце замертво рухнуло в пропасть.

Аня достала курицу и поставила выпекаться первый корж.

В кухню вошли Ярмач с Мухой.

– Нюта! – улыбнулся Муха без малейшего удивления. Он потер ладони, вода носом: – Вкусно же пахнет. Как дела?

– Спасибо, нормально. – Она обернулась к Ярмачу с приветливой, выхолощенной улыбкой, поздравляя: – С днем рождения! – И тут же оправдалась за свое присутствие: – Надя просила помочь.

При всем уважении к Наде, Ярмача она считала безобразным хлыщом. Короткие бело-брысые волосы, водянисто-голубые глаза и круглая голова на индюшиной шее. За три года к общему отгалкивающему портрету добавилась редкая борода. На нем темнели толстовка с черепом над броской надписью: «А ну-ка ша!» и спортивные штаны в кислотных надписях. Главенствующему выбору спортивных костюмов он не изменил. Аня никогда не замечала за братом Лоры увлечения спортом. Худошавый, немного выше ее – рядом со здоровяком Мухой в рубашке и брюках он выглядел нескладным подростком.

– Спасибо, – Ярмач потер кончик красного носа, осоловевшими глазами пялясь на запеченную курицу. Лицо его напоминало слепок. – Надя! – гнусаво всполошил полдома, после чего побрел на приглушенный голос жены.

Аня потянулась за салфетками. Хуже и быть не могло. Она не хотела здесь находиться, не хотела печь торт Ярмачу, готовить на подхвате, – и в целом создавать впечатление заискивающей одиночки.

Муха принялся заполнять посудомоечную машину тарелками.

– Надя рассказывала, ты на повара учишься, – спросил, поглядывая, как Аня задвигает в духовку новый корж.

– Инженера-технолога. Пищевая промышленность и все такое.

– А рыбную солянку умеешь готовить?

– Теоретически, да.

– Круто!

– Сама тащусь!

Они засмеялись.

Торт Аня доделывала под шуточные рассказы Мухи о том, что все дорожки ведут в Сажной. В мореходку он не поступил, подрабатывал на карьере. Потом Сыч позвал в автосервис, где Муха второй год подряд делал хромированный тюнинг «ямским гонщикам». Из всех пяти-рых одноклассников их компашки – С Мухой болталось о жизни проще простого.

Когда коржи скрыл заварной крем, в кухне появилась Надя с сонной дочкой на руках:

– Какая красота! – она заулыбалась при виде готового торта. – Анюта – ты золото. Ты наше сокровище. – Но забеспокоилась: – И посуду вымыла?

– Это я! – поднял руку Муха. – Ага? Сокровище?

Она приблизилась к нему и обняла свободной рукой:

– Не друзья, а клад. Всё – не выпущу.

Муха просиял ярче зеркала под лучом. Аня впервые за пять лет грустно подумала: «Зря он не признался Наде».

– Муха, отвезем Осю к маме? – планировала Надя, передавая дочь на руки счастливому здоровяку. – Рома выпивший. Где вы были? У Кости?

В гостиной раздался женский хохоток. Муха пожал плечами, оправдываясь:

– Я его подобрал у «Шико».

– Ладно, – отступила она, поправляя рукав мятно-синего платья. – Там Инга, Таня пришли. Нужно встретить.

Надя умчалась, оставляя растерянную Аню в компании улюлюкающего приятеля детства и трехлетнего ребенка, желающего вонзить пальцы в торт. Муха мокнул обрезком коржа в крем.

– М-м? – протянул крохе, и заговорщиком подмигнул. – Мы маме не скажем.

А потом началась суматоха, в которой Ане не позволили уйти дальше порога. Она подыгрывала каламбуру именинника и девушек, не протестуя – и злясь, что, попытки избежать застоля приведут к выяснению отношений и нежелательным воспоминаниям многократных ссор. В гостиной стол накрывался блюдами из холодильника, отнявшими у Нади не один час сна. Всех захватило предчувствие пирушки. С упаковкой фейерверка вернулись Муха и Надя. Ярмек врубил клубную музыку, в низких басах которой тесная комната превратилась в машину времени. Инга рассказывала последние новости поселка, Таня подначивала именинника танцевать пластичнее, а Муха ходил по пятам за суетливой Надей. Аня опустилась на кожаный диван, признавая, что помалкивать мышью в опоясывающей круговерти фраз вполне разумно для спокойствия.

Последними из гостей появились Лора с Костей. Лора в алом платье собрала все комплименты. Она единственная заострила внимание на присутствии в доме Ани, переспросив раза три: «А когда тебя пригласили, милая?» Вместе с Надей они развешивали серебристо-желтые шары на белых стенах, вручали букеты и подарки, декламировали пожелания, приглашали к столу. Ярмек нейтрально воспринимал расцветающее торжество, усиливая впечатление, что именины сегодня у Лоры и Нади.

За ломящимся блюдами столом Аня сидела на углу, по левую руку от нее за обе щеки уплетала холодец Таня. Ярмек плоско шутил о гололеде и «тормозах». Надя сглаживала его высказывания фактами из новостных сводок. Костя и Муха вполголоса обсуждали претензии клиента. Лора скучаяще потягивала сок через трубочку, и только Инга сохраняла надменный вид несокрушимого достоинства каждый раз, когда Ярмек рывкал: «Короче, жопа».

Спустя час за окном стемнело до слепоты. Угощений поубавилось, шампанское выпили, и Надя скомандовала убирать со стола. Колонки извергали что-то долбяще-танцевальное, пока Аня с Ингой уносили грязную посуду. Парни и Таня за журнальным столиком распивали коньяк.

– Хватит гипнотизировать зеркало. Ты и так красотка.

Лора крутнулась у зеркала возле холодильника, с вялой улыбкой отвечая Наде:

– После твоих десертов эта красотка прибавит лишние килограммы.

Надя изобразила хихиканье ведьмы:

– Я коварна! У меня еще пряники в шкафу, Грета.

Инга хмыкнула что-то сумбурное, пока Аня искала на упаковке конфет страну-производитель. Лора подошла ближе к обеденному столу.

– Да, женская подлость безгранична. – Она покосилась на ребят за журнальным столиком, где всем вниманием Тани завладел Сыч. – Сейчас ее грудь вывалится из платья, – желчно заметила Лора. – Похабщина.

Все невольно посмотрели на подвыпившую компанию. Перебивая Муху, Ярмек то и дело нервно порывался встать.

– Чего она так набралась? – спросила Надя у Инги.

– Кто? Таня? – Инга обернулась и придиричиво глянула на подругу в обтягивающем трикотаже. – Она вчера с Егором разругалась.

– С Егором?

– Хлеб привозит, – пояснила Лора.

– Они встречались?

– Таня думала – да.

Лора ухмыльнулась:

– Вообразать она умеет. – Вновь надзирателем усталилась на парней, проследила за насмешливыми взглядами каждого и немного успокоилась.

На стол в гостиной поставили торт. Ярмек заплетающимся языком спорил о чем-то с Мухой. Сыч игнорировал звонкий рассказ Тани о недавней драке.

– Пора задувать свечи! – громко напомнила Надя собравшимся. – Уже восемь. Всё! Двадцать один! Юху!

Загалдев, гости кучно встали напротив именинника. Аню со всех сторон окружили. Позади навис Сыч. И тут резко выключили свет. На душе стало как-то холодно, в комнате – неуютно. Грянуло хмельное подначивание: «За-ду-вай!» Аня шагнула в сторону, но ее удержали. Выше локтя. Нечто грубое и острое впилось в кожу руки болью. Она вздрогнула, обернулась. За спиной чернела пустота. Справа Сыч обнимал умиротворенную Лору. Муха и Надя аплодировали. Таня водила пустым бокалом по воздуху, Инга протягивала блюдце.

Ореол свечей погас. Легкие до тошноты заполнились едким дымком, а движения окружающих замедлились. Аня мотнула головой, гоня прочь иллюзорный дурман. Люстра над столом вспыхнула ярко, громкие поздравления вновь зазвучали внятно: «С днем рождения! Ромыч лучше всех!»

Потом гости сидели устало, вилками кромсая куски торта. Аня беспокоилась о приторной сладости, но крем получился сливочно-пломбирным.

– ...торт испекла Аня! – объясняла Надя Инге.

– Она учится на инженера, – важно сообщил Муха.

Аня, обхватывая локоть рукой, поправила:

– Инженера-технолога.

На лице Лоры отразилось недоумение.

– Пищевое производство, – добавила Аня.

И Таня нахмурилась:

– Типа повар?

Аня открыла было рот рассказать о режимах технологических процессов, о выпуске продукции, о контроле качества и технической документации, но заметив ленивые взгляды, ответила кратко:

– Да.

– Ань, оставь их – иди покажу фотографии, – позвала Надя из кресла, где высился жирафом пятнистый стеллаж. – Свадебные, – размахивала она планшетом со вставленной флешкой-сердцем. – Иди!

– Опять! – Ярмек уронил щеку в ладонь. – Каждый месяц пересматривает, – жаловался пустому стулу рядом.

– Девочкам фото нравятся, – возмутилась Надя, улыбаясь ослепительно. – Да ведь?

Инга закатила глаза, Таня фыркнула.

– Я хочу танцы! Поехали в Ямс... – именинник запнулся, мотнул головой, – в Ямск! В клуб!

Лора взъерошила брату волосы:

– Ромыш, не порть праздник.

Ярмек вздыбился от прикосновения.

– Я порчу? Да я просто счастлив. Да? – Исподлобья посмотрел на Сыча.

Тот протянул ему бутылку с минералкой.

– Ой, не. Не, – отмахивался именинник. – Давайте выпьем еще. Че за тухлятина брынчит?

Пока Ярмек по две секунды прослушивал плей-лист, Инга с Аней присели на пуфы рядом с Надей. Таня, расстроено влипнув в стул, осталась слушать Муху по соседству с Сычом. Лора с досадой оттирала крем от рукава платья.

Июльское солнце на свадебных фото согревало. Повсюду кинематографично раскинулось море зелени. Надя в кружевном платье и воздушной фате, неизменно на первом плане, искрящаяся счастьем, детской непосредственностью сглаживала хмурость жениха. Аня с трудом фокусировалась на кислой физиономии Ярмака, то и дело вонзая взгляд в его пурпурный пиджак. Гости выделялись смелыми красками. Оранжевое платье свекрови, Инга в золотых пайетках, Альбертина в полупрозрачной малиновой блузе. Траурно-черный костюм с белой розой в петлице завершал траурный вид Сыча, пока рядом прижималась Лора, в снежно-шелковом платьице, улыбалась фотографу с обворожительностью невесты.

Надя скользнула пальчиком по фате.

– Лора помогала мне планировать свадьбу.

– Она любит планировать, – съязвила Инга, наблюдая за томным приближением Лоры.

– А работаю бухгалтером, – пожаловалась Лора.

– Начисляешь брату зарплату.

Лора ухмыльнулась:

– Не я, а Костя.

– Он работает в мастерской? – спросила Аня. – Рома?

– Да, – подтвердила Надя. – И Муха. А еще Чаплыгин, помнишь?

– Гитарист из параллельного класса? Брынь?

– Ага. Он на аэрографии помешан.

– Жуть. Сатанизм, а не творчество, – возмутилась Инга. – Черепа, оборотни. Кому это нравится?

Надя отложила планшет.

– Инга, милая, – обратилась насмешливо Лора. – Говоришь занудно, а ты еще даже не учитель.

Девушки хихикнули, но Аня воодушевилась:

– Ты работаешь в школе?

– Да, секретарем. Пока. – Инга презрительно осмотрела подруг. – Я учусь заочно на учителя младших классов.

– В жизни бы в школу не пошла. – Лора закатила глаза под лоб. – Еще и к мелюзге.

– А я бы в торговлю.

Лора достала с полки стеллажа томик с идеями Фрейда.

– Послушаем психоаналитика, – переворачивала листы. – Итак...

Со стороны дивана злобным взглядом впилась в их кружок Таня.

– Тише, – Инга опустила голову. Смешки стихли. – Она нетрезва. Мало ли что послышится.

Аня столкнулась со стеной в мутном взгляде Тани.

– А в чем дело?

– Ее мать упекли в психушку, – проинформировала Лора с отвращением. – Год назад где-то. Вроде как белая горячка, или что-то в этом роде. – Лора скучающе осмотрела стеллаж. – Надя, зачем вам столько книг по психологии?

– Мама дарит.

– А отец Тани? – волновалась Аня.

– У него роман с продавщицей «Шико». Танька себе предоставлена.

– Она ведь поступала?.. – припоминала Аня экзамены. – Она хотела ветеринаром стать.

– Окончила училище. Швея, кажется, – наморщила лоб Инга. – Работает в магазине посменно – отец пристроил за прилавок.

Надя заголошно вскочила с кресла, перекрывая дорогу мужу. Ярмач размахивал над столом бутылкой шампанского, и она запротестовала, указывая на декоративные розочки вокруг горлышка:

– Это со свадьбы!

– И что? Все в сборе, почему его не распить?

– Оно на пятую годовщину. Деревянная свадьба.

– Тьфу, Надя! – Ярмач с хлопком откупорил бутылку и выкрикнул: – Давайте дружно накатим!

Выставив грязные бокалы на стол, Ярмач потребовал тосты за его здоровье. Из-за отказа Тани продолжать застолье, он разразился оскорбительными шуточками.

– Не настаивай, Ром, – заступилась Надя за гостью, краснея от стыда. – И хватит вспоминать школу. Танюш, не грусти.

Ярмач впечатал бутылку в стол, пьяно изрекая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.